ИСТОРИЯ
МОЕЙ ЖИЗНИ

Я — ПРИНЦЕССА ДИАНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Красивейшая женщина столетия, принцесса Диана была добрым и отзывчивым человеком. Англичане называли ее "народной принцессой". С ней считались крупнейшие политики планеты. Леди Ди много путешествовала и занималась благотворительностью. По ней сходили с ума миллионы мужчин, ей завидовали все женщины мира. У нее было все, но была ли она счастлива?..

- Я — принцесса Диана
  - История моей жизни
  - Принцесса Диана: ее характер,привычки

Я — принцесса Диана
сост. Е. Мишаненкова

История моей жизни

Жизнь самой загадочной женщины XX века началась с разочарования.

Не собственного, конечно. Что могут чувствовать новорожденные? Ну разве что испуг. Горькое разочарование испытал ее отец — Джон Спенсер, виконт Элторп, впоследствии 8-й граф Спенсер. «Опять девочка!»

Если бы будущая леди Ди, принцесса Уэльская Диана могла с первых мгновений понимать смысл произносимых возле ее кроватки слов, она бы услышала именно этот расстроенный возглас. Третья дочь. А в семье так ждали мальчика. Он был не только желанен. Он был необходим! Только рождение наследника давало возможность продолжить графский род, потому что титул переходит исключительно по мужской линии. Собственно Диана была не совсем третьим ребенком. После двух старших сестер у родителей, наконец, появился на свет долгожданный сын. Но… Удар для всей семьи — он не прожил и суток. Через некоторое время Френсис Спенсер, мать семейства, забеременела четвертый раз. Но пережитое горе отразилось на ее здоровье — она не смогла выносить ребенка. Так что у Дианы было очень много шансов вообще не появиться на свет — выживи ее старший брат, родись на свет и окажись мальчиком четвертый ребенок — мир бы так и не познакомился с прекрасной, любимой народом принцессой.

Так или иначе, но упорное желание Спенсеров произвести на свет наследника заставляло их не прекращать попыток. И вот 1 июля 1961 года у Фрэнсис начались очередные роды. Роды, которые не просто разочаровали, а обескуражили главу семейства Джонни Спенсера. Понадобилась целая неделя, чтоб ошарашенные родители взяли себя в руки и подумали, наконец, об имени малютки. Ее назвали Дианой Фрэнсис — в честь сестры первого графа Спенсера Дианы.

«В каком возрасте нас любят совершенно бескорыстно? — Только на руках кормилицы».

Многим позже, когда Диана выросла и вошла в Британский королевский дом, «желтая» пресса с удовольствием мусолила версию о «принцессе-посудомойке».

Хотя разговоры о мезальянсе по меньшей мере смешны: Спенсеры — известный в Англии род, знатнейшая, с семисотлетней историей, дворянская фамилия.

Их дальними родственниками являются пять президентов США. В родстве с ними состоят Джонатан Свифт, Чарльз Дарвин и лихой голливудский ковбой Джон Уэйн…

Из-за шока, вызванного рождением третьей дочери, крестины ее оказались неоправданно скромными — на них присутствовали только жена главного мирового судьи Норфолка и несколько соседей по графству. Хотя крестной матерью старшей сестры Дианы, Сары, была королева — мать, а крестным отцом средней сестры Джейн — герцог Кентский. Только у одной Дианы среди крестных не было ни одного члена королевской семьи.

Такое пренебрежение к факту рождения собственного ребенка не могло не породить массу слухов о том, что девочка, оказавшись при рождении нежеланной, так и осталась на всю жизнь изгоем в своей семье. Нелюбимой, никому ненужной, забытой родителями.

И несмотря на то что существует масса свидетельств, разбивающий миф о несчастной Золушке, сама Диана настолько вошла в предложенную обстоятельствами роль, что искренне поверила в свою ненужность. О чем неоднократно жаловалась сестрам и подругам. И эта детская психологическая травма во многом сформировала ее характер. И повлияла на всю ее дальнейшую, действительно, непростую судьбу.

«Если бы он остался жив, я бы никогда не появилась на этом свете».

(Диана об умершем в младенчестве брате)

Наследник титула все же родился. Спустя три года. Но, увы, семью это не сохранило. Наоборот, сей факт стал началом конца брака Френсис и Джона Спенсер.

Но об этом чуть позже. Пока у Спенсеров царит всеобщее ликование. 20 мая 1964 года Фрэнсис родила — таки сына. Здорового, крепкого малыша! Его назвали Чарльз Эдвард Морис Спенсер. Крестили Чарльза в капелле Генриха VII в Вестминстерском аббатстве. А крестной матерью стала сама — ну как могло быть иначе? — английская королева Елизавета II.

Интересно, почувствовала ли что — нибудь трехлетняя Диана, впервые в жизни увидев свою будущую свекровь? Маловероятно. Хотя… Близкие к ней люди не раз упоминали в своих записках, что будущая принцесса с детства чувствовала: ей уготована необычная судьба. И на полном серьезе ждала своего принца. Не сказочного. Настоящего.

А вот мать ее, как оказалось, уже ничего не ждала от своего брака. Все те же ссоры и полное взаимонепонимание.

«Наша семья была самой обыкновенной семьей, близкой к королевскому дому».

К отчаянному шагу — разводу — Спенсер подтолкнул свою жену сам. Естественно, невольно. Но, если задуматься, предсказуемо.

Фрэнсис не могла не понимать, что на сей раз оставляет родовое гнездо Спенсеров навсегда. Но того, что ей запретят видеться с детьми, она никак не ожидала. Но ее просто не пустили на порог дома. Дворецкий, следуя указанию хозяина, захлопнул дверь перед все еще мисс Спенсер. Как она не кричала, как ни плакала, дети, уведенные в дальние комнаты огромного дома, ничего не услышали и не знали, что мать пыталась повидаться с ними.

Доведенная до отчаяния, окончательно разлученная со своими детьми Фрэнсис идет на небывалый для Англии того времени шаг — публично объявляет о своем желании добиться официального развода. Джонни был потрясен. Главный и несокрушимый девиз английской жизни: «Мой дом — моя крепость» нарушать было непозволительно никому. Тем более женщине.

Брошенным мужем руководило только одно желание — как можно сильнее наказать опозорившую его женщину. Как? Самый простой способ — окончательно отобрать у нее детей. Навсегда. По закону. Через суд.

Естественно, суд принял его строну. Если и был у несчастной женщины малейший шанс побороться за право воспитывать детей, лишила ее такой возможности родная мать, поддержавшая на заседании бывшего зятя. Тщеславная Рут Фермой, так и не смогла простить дочери, что та теперь не станет графиней Спенсер. Полноправной хозяйкой одного из крупнейших поместий Великобритании. И мстила дочери за свои нереализованные мечты!

«Семья — самая важная вещь в мире»

Извечный вопрос не очень умных родителей: «Кого ты больше любишь: маму или папу?» — стал для маленькой Ди настоящим кошмаром.

Нет, разведенные и обозленные друг на друга Фрэнснс и Джонни не задавали его своим детям напрямую. Но постоянно соперничали за сердца детей. Особенно младшей дочери. Две старшие девочки были уже в том возрасте, когда появляются собственные интересы — учеба, друзья, даже первые романтические переживания. Поэтому разлад семьи Спенсеров травмировал их значительно меньше. Трехлетний же малыш

Чарльз вообще плохо понимал, что произошло. Так что основные баталии разгорались за привязанность третьей — самой нежеланной когда — то — дочери. Чем уж они руководствовались в первую очередь — любовью к ребенку или желанием насолить друг другу — трудно сказать. Но факт остается фактом. Соперничество родителей было явным. И ставило девочку перед необходимостью выбора.

Очень характерна ситуация, о которой потом не единожды вспоминала уже взрослая Диана. Когда ее пригласили на свадьбу кузины, оба родителя подарили ей праздничные платья. Отец — белое. Мать — зеленое. Поставив девочку перед мучительным выбором…

Справедливости ради надо отметить, что девочка достаточно быстро научилась манипулировать своими родителями и получать от создавшейся ситуации выгоду для себя. Но не сразу. А через переживания, превратившиеся в будущем в комплексы, мучавшие ее всю жизнь.

Вообще судьба яркой, не самой счастливой и такой короткой жизни леди Ди является стопроцентной иллюстрацией расхожей фразы «все мы родом из детства».

«Они оба были очень красивы. Сейчас я уже не помню, какое из них выбрала. Но я отчетливо запомнила, насколько меня травмировала подобная ситуация. Больше всего я переживала из — за того, что, какой бы выбор я ни сделала, он покажет мою приверженность лишь к одному из родителей».

Все, что Диана когда-либо говорила о своем детстве, было неизменно окрашено в темные тона.

Но так ли несчастно было ее детство? Похоже, что нет.

Например, один из ее кузенов вспоминал те дни так: «Вероятно, в ее восприятии жизнь в Парк — Хаусе действительно выглядела так, как она ее описывает. Но на самом деле все было… намного лучше, чем ей казалось в ретроспективе».

Присоединяется к нему и одна из многочисленных нянь: «Когда я вспоминаю времена, проведенные в Парк — Хаусе, не могу не признать, насколько веселой и легкой была атмосфера в этом доме. *Я* навсегда запомнила шутки и смех, то и дело разносившийся по коридорам. Причем лучше всех дразнить других получалось у Дианы».

Отец, как умел, заботился о детях. Безусловно, любил их. И Диану, возможно, более других. Но в ее головке остались только обиды. Она не желала принимать ни одну из многочисленных нянь. Они менялись часто. И, как правило, из — за выходок младшей дочери. Родные вспоминают, как Диана воткнула острые

булавки в стул, на котором обычно сидела няня. У другой, выбросила в окно все вещи. Третью, закрыла в ванной комнате.

«Самая большая болезнь этого века — то, что люди обижаются».

Диана всегда была уверена в своем особом предназначении. И свернуть ее с намеченного пути было невозможно.

Вот что вспоминает одна из нянь: «Диану нельзя назвать трудным ребенком, но она была очень упряма. Уже тогда она отлично знала, что ей хочется. С ней было нелегко. Другим детям скажешь, и они выполняют беспрекословно. Но только не Диана. Если ее просили что — нибудь сделать, это всегда превращалось в противостояние характеров».

Диану трудно было заставить делать то, чего она не хочет. Однажды они с отцом были приглашены в королевскую резиденцию. На традиционное английское чаепитие. И вдруг, сославшись на головную боль, девочка заявила, что не пойдет. Кто знает, правда у нее что — то болело или это была очередная выдумка? Но урезонить дочь Спенсеру не удалось. Он вынужден был извиниться перед королевой и отказаться от визита. Дерзость, надо сказать, невиданная. Нарушающая все правила. Ломающая все каноны.

Так дальше Диана и будет жить — нарушая и ломая. «У нее была какая — то мистическая вера в природное чутье, которое вело ее (хорошо или плохо — это уже другой вопрос) через всю жизнь, — напишет значительно позже о Диане ее биограф Сара Бредфорд. — Как она сама признавалась, у нее было постоянное ощущение неизбежности судьбы. Диана чувствовала себя немного отстраненной от других людей, считая себя созданной для какой — то определенной цели».

«Я всегда знала, что здорово отличаюсь от всех остальных. Я ощущала себя какой-то изолированной, обособленной. Я чувствовала, что внутри меня есть что-то такое, что делает меня особенной. Не знаю даже почему».

Первым «казенным домом» Дианы стала частная школа Силфилд в Норфолке.

Местоположение — вот главное преимущество школы. Но, не единственное. Старший Спенсер входил в попечительский совет учебного заведения и знал о его делах все. Поэтому был спокоен за Чарльза и Диану.

Неуравновешенная девочка оставила самое разноречивое впечатление о себе. Кто — то вспоминал ее как грустного тихого

ребенка. Кто — то писал в биографических статьях, что воли у этой девочки было не занимать.

Живая, даже шкодливая, мисс Спенсер частенько бывала наказана за свои проделки и шалости. Правда, не исключено, что она хулиганила, чтобы получить наказание — провинившихся в школе заставляли либо ухаживать за цветами в саду, либо бежать кросс вокруг здания. И то, и другое она обожала!

Еще она очень любила плавать. А особенно — танцевать.

Но среди многочисленных рассказов о ее школьной жизни нет ни одного про успехи Дианы в учебе. Увы, тяга к знаниям и способности к наукам — не ее сильные стороны!

«Академические успехи? Забудьте об этом! Другое дело — еда. *Я* ела и ела. Попросить меня съесть три куска копченой рыбы и шесть буханок хлеба — было одним из самых смешных развлечений в нашей школе».

Диане исполнилось девять лет, и отец решил перевести ее в другую школу, в Ридлсуортс, расположенную в двух часах езды от Парк — Хауса. Это решение привело девочку в отчаяние.

В Силфилде Диана находилась только днем. А ночевала в своем родном доме. А это был интернат. Причем все ее соседки тоже были новичками. Поэтому по ночам из комнат доносился приглушенный подушками рев… Она писала домой горькие письма с просьбой поскорее забрать ее из этого мрачного и неприветливого места.

Но вскоре ученица не просто привыкла к своему новому дому, ей расхотелось уезжать оттуда даже ненадолго. Так ей там стало хорошо! И объяснение этому было очень простое. И опять же не имеющее ни малейшего отношения к тяге к знаниям.

Руководство школы, чтоб хоть как — то скрасить жизнь своих учеников, разрешило привозить с собой домашних питомцев. Диана, например, перебралась сюда вместе с любимой морской свинкой. В результате довольно быстро образовался настоящий живой уголок, в котором Ди проводила почти все свободное время. Она очень любила животных.

Среди ее немногочисленных школьных наград — в основном за плавание и танцы — есть и приз, которым она особенно гордилась. Именовался он так: «Лучшему смотрителю за морскими свинками».

«Если ты меня любишь, ты не оставишь меня здесь».

(Из письма Дианы к отцу)

Что читала будущая принцесса Уэльская? Барбару

Картленд. И этим именем ограничивается список любимых авторов Дианы.

Самая «плодовитая» писательница Англии, автор 723 романов, 657 из которых — любовные, родилась в 1901 году и прожила почти девяносто девять лет. В свои самые удачные времена она писала по два романа в месяц. Все они были про прекрасных принцев и милых чистых девушек, в которых эти принцы влюблялись… Ничего вам этот сюжетец не напоминает?

Забегая несколько вперед скажем, что в то время, когда Диана, наконец, познакомилась с «настоящим» принцем, она работала няней у американки Мэри Робертсон. Однажды Мэри обратила внимание, что девушку ничего не интересует, кроме любовных романов Картленд. И работодательница будущей принцессы Уэльской с нескрываемым скептицизмом посоветовала той хотя бы иногда перелистывать газеты. Ту же The Times. Или Daily Telegraph. Чтобы несчастному принцу было о чем поговорить с возлюбленной.

Самое забавное, что не менее скептически отреагировала на известие о маниакальной привязанности к продукции, выходящей из-под ее пера, сама писательница. Будучи весьма неглупой женщиной, Барбара Картленд прокомментировала журналистам сей факт следующим образом: «Она читала только те книги, которые были написаны мной. Что ни говори, но это не лучший выбор».

«В произведениях Барбары Картленд было все, о чем я мечтала больше всего, все, на что я надеялась».

9 июня 1975 года от воспаления легких умер седьмой граф Спенсер. Джонни Элторп, отец Дианы унаследовал титул.

Правда, принимая титул, новый граф должен был покинуть любимый всеми, а особенно детьми Парк — Хаус. И переселиться в родовой замок Элторп.

Особенно был недоволен Чарльз. «Переезд в Элторп можно заслуженно назвать одним из самых неприятных эпизодов в жизни каждого из нас, — вспоминал он позже. — Оказаться выдернутым с любимых мест, лишиться друзей — и все ради того, чтобы поселиться в огромном парке размерами с Монако!».

Диане тоже новое место показалось помпезным и не слишком удобным. Но сознание того, что это «родовое гнездо» смиряло ее с неудобствами.

Она гуляла по его огромным залам, представляя себя. ну конечно, принцессой.

Сосны, прекрасный песок, детские забавы — все это осталось

в Норфолке. Но долгожданный титул и родовой замок, полный исторических артефактов и шедевров мирового искусства, превращал в реальность все, даже самые смелые девичьи мечты.

Хотя. Будущая принцесса Уэльская даже не представляла, каким поворотом в жизни чреват переезд в этот уникальный дом. Жизнь в музее обернулась серьезными переменами в семье. И, по мнению детей, далеко не в лучшую сторону.

«Мне было четырнадцать, когда положение нашей семьи вдруг изменилось: отец стал восьмым графом Спенсером, а мы, соответственно, леди Сара, леди Джейн и леди Диана. *Я* — леди Диана Спенсер!»

14 июля 1977 года Джонни Спенсер женился на Рейн Легги. Он не только не пригласил детей на свадьбу, но даже не сказал им о предстоящем событии ни слова.

Хотя свадьбу никак нельзя было назвать тихой. На бал в Элторп было приглашено более тысячи человек. О шумном событии писали газеты. Из них, собственно, дочери и узнали о произошедших в семье изменениях.

Вернее Диана газет не читала. Она узнала от Сары. Между ними состоялся примерно такой диалог:

— Отец женился на Рейн.

— Боже мой. Нет, этого не может быть! Откуда ты знаешь?

— Об этом написала Express.

Легко представить, какой теплой была первая встреча супругов Спенсер с детьми Джонни. Отец, естественно, чувствовал себя виноватым.

— Мы хотели вам сказать… — начал он нерешительным тоном. Но закончить не успел.

— Папа, но она нам не нравится, — в отчаянии крикнула младшая девочка.

— Это не страшно. Это пройдет. Вы полюбите ее, как полюбил я.

— Мы?! — срываясь на истерику выкрикнула Диана и подбежала к отцу. Тот, решив, что сейчас она заплачет у него на груди, приготовился к объятиям и даже подставил щеку для поцелуя. Но. Неожиданно раздался сильный хлопок. Подскочившая к нему дочь ударила его по этой самой щеке.

Эта пощечина навсегда изменила их отношения. Больше они никогда не станут прежними. Диана так и не смогла, до конца отцовской жизни простить ему предательства.

«То, что говорят человеку, которому говорят все, — лишь половина того, что от него скрывают».

Только вот здоровье Спенсора оставляло желать лучшего. В скором времени с ним случилась настоящая беда.

И в этой беде миссис Спенсер повела себя как истинный борец. Более того — победитель! 19 сентября 1978 года из поместья пришло тревожное известие: у графа Спенсера во время прогулки, произошло обширное кровоизлияние в мозг. Проще говоря — инсульт!

Его, находящегося без сознания, госпитализировали в больницу в Нортхемптоне. Но Рейн такое решение не устроило. Она захотела, чтоб мужа перевели в лучшую в стране специализированную клинику нервных болезней, которая находилась в Лондоне. Подчиняясь ее напору, врачи, дали согласие на то, чтобы Спенсер был перевезен в столицу. И это была первая победа Рейн над болезнью. Первая, но не окончательная. Через четыре недели у него открылась редкая форма бактериальной инфекции, невосприимчивая к обычным антибиотикам. Жизнь больного опять повисла на волоске.

И снова Спенсера спасла железная воля жены. Она узнала, что ученые работают над новым препаратом, который должен справиться с редким недугом ее мужа. Проблема была в том, что лекарство ни разу не было опробовано на людях. Дать его фармацевты согласились при одном условии — если лечащие врачи подпишут официальное согласие на рискованный эксперимент. Понятно, что врачи упирались. Кому хочется брать на себя такую ответственность? Но противостоять лавине по имени Рейн Спенсер они были не в состоянии:

— Лучше уж пусть он умрет от этого лекарства, чем от вашего бездействия! — заявила она эскулапам. Спенсер не умер. Довольно быстро он пошел на поправку и потом долго шутил, что был первым человеком, на котором попробовали новое лекарство, применявшееся до этого только на крысах…

«Нашу мачеху называли Леди, Которая Умеет Добиваться Своего. Она действительно умела, вопреки воспитанию, вопреки немыслимому давлению со стороны своей матери Барбары Картленд, вопреки всему! Ее девиз: «Совершать невозможное!» Она не только умела добиваться, чего хотела, прежде всего она знала, чего хочет!»

Еще до болезни отца четырнадцатилетнюю Диану отправили жить и учиться в Швейцарию.

Но там ей совсем не нравилось.

Педагоги пытались научить ее ведению домашнего хозяйства, кулинарии, шитью. В обязательный набор благородной девицы входил и французский язык, который Диана недолюбливала. Да и

на остальных занятиях она сходила с ума от скуки. Она все чаще и чаще просила забрать ее из школы. Девушке хотелось начать самостоятельную жизнь. Она считала себя вполне взрослой и способной на это.

Чарльз Спенсер — старший не стал долго мучить свою упрямую дочь. На совершеннолетие он подарил ей квартиру в Лондоне. И Диана с восторгом окунулась в «настоящую» жизнь. Зарабатывала себе на хлеб насущный, устраиваясь то воспитательницей в детский сад, то нянечкой. А той вовсе занималась стиркой, глажкой, и уборкой квартир. И ее почасовая ставка составляла всего. один фунт стерлингов в час! Вот как у них, английских аристократов, принято!!

Кстати, и ее будущий муж, престолонаследный принц Чарльз целых пять лет проходил военную службу:, сначала как пилот истребителя и военного вертолета, а позже — на флоте.

«Делайте только то, что ваши сердца говорят вам».

Первая встреча с настоящим — не из романов — принцем произошла случайно. Ну насколько может быть случайной встреча двух людей, принадлежащих одному кругу…

Согласитесь, Золушке, у которой крестной брата выступала сама британская королева, а бабушка — закадычная подруга королевы — матери, проще «случайно» встретиться с наследником британской короны, чем нам с вами…

Но справедливости ради заметим, что к первой встрече будущих супругов бабушки не имели никакого отношения.

Другой член «самой обыкновенной семьи, близкой к королевскому дому», приложил руку к будущему Дианы. Вернее — другая. Старшая сестра Сара. Сначала с принцем Уэльским встречалась она.

И когда в ноябре 1977 года в Ноуботтлском лесу, который находился рядом с родовым замком Спенсеров, была организована охота на лис, Чарльз приехал туда к своей девушке — Саре Спенсер. Дабы придать событию соответствующий статус. Приглашена была на охоту и Диана. И вот тут уже действительно совершенно случайно будущие супруги встретились, познакомились, разговорились и. разошлись, после довольно бестактного приказа Сары, которой совершенно не понравилось, что ее кавалер попросил «дурочку Дач» показать ему достопримечательности знаменитого Элторпа.

— Оставь нас наедине, — прогнала она сестру.

Той ничего не оставалось делать, как подчиниться.

«Если чего — то желает королева — мать, она этого

добивается или просто получает».

Что в это время чувствовал Чарльз? Он влюбился в прекрасную незнакомку? Увы, не все так просто. Ведь он — принц Уэльский, а не сказочный.

И главное для него было не влюбиться, а найти достойную женщину, которая смогла бы через какое-то время стать королевой.

Хотя и членам королевской семьи ни что человеческое не чуждо. И, как мы уже говорили, Чарльз с молодых лет слыл… Как бы это политкорректно про принца — то сказать? Бабником. Нет, нехорошо. Ловеласом.

Для того, чтобы понять в какой переплет попала юная Диана, надо кое — что рассказать об образе жизни ее избранника.

О романах принца ходили легенды. Мы упоминали, что он менял девушек, как. Ну что там часто меняют принцы?

На самом же деле его сердце было занято одной. Некой Камилой Шэнд. Правнучкой Элис Кеппел, прославившейся многолетней любовной связью с королем Эдуардом VII. О чем лихая внучка сообщила Чарльзу при первом же знакомстве:

— Моя прабабушка была любовницей вашего прапрадедушки! Как вам это? — выпалила она вместо «здравствуйте».

Понятно, что Чарльз был заинтригован — никто еще не позволял себе говорить с ним в таком тоне. Заинтригован и сражен.

Так начался самый главный роман его жизни. Который пережил не только брак с Дианой, но и саму Диану.

«Что такое честная женщина? — Та, которая дает то, что другие женщины продают».

Выбор будущей королевы очень походил на покупку племенной лошади.

Вот, что говорил принц в одном из интервью: «Следует помнить, что в моем случае речь идет о свадьбе с женщиной, которая однажды станет королевой. Поэтому нужно быть очень внимательным при выборе кандидатуры». И четко формулировал свою позицию: «Женщина не просто выходит замуж, она выходит за определенный образ жизни своего супруга, становясь его неотъемлемой частью. Женщина должна заранее иметь представление о мире своего суженого, а иначе она так и не научится понимать и любить его. Выбирая себе спутницу, я не позволю, чтобы моим разумом руководили чувства».

Хотя и понимал, что брак — особенно в королевской семье — это не просто надолго. Это должно было стать навсегда. И он искренне верил, что сумеет найти себе в супруги, если не

любимую женщину, так настоящего искреннего друга.

Такого, каким наверняка смогла бы стать ему Диана, если бы кто-нибудь объяснил молодой неопытной девушке, что жизнь не имеет ничего общего с зачитанными до дыр любовными романами. И роль жены принца, а в будущем короля — серьезная кропотливая работа.

Но увы, рядом с ней была тщеславная Рут Фермой, мечтавшая через внучку породниться со своей подругой королевой — бабушкой. Сара, уязвленное самолюбие которой не позволяло поговорить с сестрой «по душам». Да и могла ли она изменить судьбу Дианы, которая любые предостережения списала бы на зависть.

И юная девушка осталась один на один со своими романтическими мечтами. Не понимая, что ее выбирают, как породистого производителя будущих наследников престола.

«Когда ты счастлив, ты можешь простить многое».

А что же Чарльз? Он ведь не был юнцом. Зрелый мужчина, получивший уже звание закоренелого холостяка.

Какими он представлял отношения с будущей женой? То, что она должна стать достойной королевой, — понятно. Но ведь впереди вся жизнь. И ее надо пройти вместе.

«Большинство людей имеют неправильное представление о том, что такое любовь. Это намного больше, чем просто влюбиться и так прожить всю оставшуюся жизнь. В основе брака лежит дружба. Вы разделяете интересы и мысли друг друга, возникает чувство привязанности. И по-настоящему счастлив тот, кому удается встретить человека красивого как внешне, так и внутренне. Для меня брак — один из самых ответственных поступков в этой жизни. Совместная жизнь — это то, над чем нужно работать». Да, это слова принца. И казалось бы, посыл верный. Но. Работал ли принц над своим

браком? Да и самое главное, правильно ли было выбирать на такую ответственную роль юную девочку? Почти ребенка. Наивного и очень романтичного.

Конечно, любому мужчине льстит открытое выражение обожания. Особенно, если это обожание исходит от очень красивой и такой непосредственной особы, как Диана. Привыкший всю жизнь быть настороже, понимая, что представительниц противоположного пола очень часто привлекает не его лопоухая персона, а титул, он, несомненно, поверил в искренность Дианиного обожания. Не было никакого сомнения, что она влюбилась. Влюбилась по — настоящему. Просто провалилась в эту любовь. И не отреагировать — пусть не

ответить, но заметить — на столь жертвенное поведение мужское эго не могло. Именно мужское, а не венценосное!

«Я действительно влюбилась. Чарльз мог иметь какую угодно внешность, быть вообще мне по плечо, заикаться, хромать или скакать на одной ноге, я бы все равно в него влюбилась! Он был принцем из сказки, тем самым, который с первого взгляда усмотрел в Золушке с веником и в фартучке будущую принцессу. *Я* не могла не влюбиться!..

Кстати, а в кого — таки влюбилась Диана — в принца или в мужчину? Этот вопрос задавала ей мать. и до этого Мэри Робертсон, в семье которой в момент знакомства с Чарльзом Диана подрабатывала няней.

Значительно позже, когда семейная жизнь безвозвратно рухнула, принцесса Уэльская сожалела, что не услышала тревожную интонацию подруги, заводившей — и не раз — с ней этот не слишком приятный разговор. Мэри пыталась аккуратно предостеречь девушку, деликатно намекая на то, что пора вынырнуть из романтического сна. И за стереотипно сложившимся образом сказочного рыцаря разглядеть настоящего человека. Понять, что в реальной жизни он совсем не такой, как в девичьих мечтах, и подумать, хватит ли у Дианы сил выдержать все, что ей может преподнести судьба. И — главное — хорошенько подумать, стоит ли игра свеч? Стоит ли даже такой высокий титул. жизни?

Но Диану уже подхватило течение и ничто не могло ее остановить. Точка невозврата — не публичная, та наступит через несколько месяцев, а внутренняя — была пройдена. И Диана, со всем свойственным ей упрямством и всей просыпающейся в ней в самые ответственные моменты жизни энергией, двинулась к достижению цели всей своей жизни! Она выйдет замуж за принца!

«Мэри, пожалуй, была самой толковой моей советчицей. Как жаль, что я ничего не слушала. Вернее, слушала из вежливости, но не слышала. *Я* жила в мире грез, в мире героев романов, и у меня самой в жизни все тоже складывалось, согласно законам жанра. Принц встретил юную привлекательную девушку и влюбился. По законам жанра дальше следовала свадьба!..»

Интересно, если бы Диана обладала в те дни полной информацией о том, как развиваются отношения Чарльза и Камиллы, решилась бы она на этот брак?

Теперь уже никто и никогда не ответит на этот вопрос. Как и на другой — действительно ли она не знала о том, что принц ни на день не расставался со своей замужней любовницей? Ведь

любовники не слишком скрывали свои отношения. Миссис Паркер — Боулз оказалась самым близким принцу человеком после гибели дяди Дикки. Доходило даже до дипломатических казусов — в апреле 1980 года Чарльз взял с собой «близкого друга» на празднования Дня независимости Зимбабве. Но произошла неувязочка. По долгу службы там оказался и ее законный муж. Было ли это сделано специально? Вряд ли. Оба супруга с самого начала семейной жизни продолжали вести достаточно вольный образ жизни, не желая отказывать себе в удовольствии общения со старыми — а может, и новыми — пассиями. Но так или иначе — пикантная ситуация была замечена и прессой и общественностью. Замалчивать ее было больше нельзя. Официальное объяснение представителя Букингемского дворца никого не удовлетворило. Оно и вправду звучало довольно беспомощно: «Чарльз находится в обществе женщины, давно состоящей в счастливом браке. Вся эта ситуация не должна служить поводом для появления всевозможных слухов». Но на самом деле во дворце царила паника. И выход из скандала виделся только один. Брак.

«Я много лет твердила всем, что я особенная, что выйду замуж за принца (подружки даже смеялись, выбирая мне принцев из самых крошечных и малоизвестных стран), вдруг получила в будущие мужья самого — самого главного принца в мире!»

Принято считать, что судьбу пары решили две бабушки. Но на самом деле первую скрипку в этой истории играла все — таки маленькая Ди.

Помните, как ловко она попалась на глаза королевы — матери? Миленькое личико, потупленный взор. Ну чем не ангел? Так вовремя посланный высшими силами, чтобы спасти репутацию королевского дома! На роль королевы и матери наследника престола соперниц у Дианы не было. Не зря же она так свято хранила свою чистоту и девственность.

«Мисс Спенсер всюду следовала за Чарльзом, буквально не давая ему прохода, — вспоминала дни зарождения романа одна из бывших подружек Чарльза Сабрина Гиннес. — Она флиртовала, кокетничала, смеялась, хихикала. На барбекю Диана села к принцу на колени и, глядя ему в глаза, заигрывающим голосом произнесла: «У меня нет ни одной пломбы в зубах и ни одного сданного экзамена! Как вы думаете, это имеет какое — нибудь значение?» Зависть. Зависть и злоба с этих дней станут сопровождать Диану повсюду. Все окружение принца ополчилось против девушки, которая, спору нет, откровенно восхищалась своим избранником. Но обвинение, что она прилюдно садилась к

нему на колени, — откровенная злобная клевета оскорбленной брошенной конкурентки.

Диана была слишком хорошо для этого воспитана. И достаточно умна, чтобы понимать: подобное поведение путь в никуда. Будущие королевы не хохочут на коленях своих принцев. Не королевское это дело!

На прозвучавшее от принца приглашение поехать с ним в Лондон «вместе поработать в Букингемском дворце» она ответила решительным: «Нет, не могу!» И согласилась только принять участие в круизе на яхте «Британия», в большой компании «старых друзей». И не прогадала.

«Если мне повезет, я стану принцессой Уэльской».

Диана шла к цели пядь за пядью… После круиза на «Британии» последовало приглашение в шотландскую резиденцию королевы, замок Балморал. Вот это была уже настоящая победа над соперницами.

Просто так королева — мать к себе подружек внука не звала!

Не будем фантазировать на эту тему. Приведем только несколько цитат из высказываний друзей принца Чарльза, которые тоже были приглашены в замок.

Начнем с Патти Палмер — Томкинсон, жены близкого приятеля принца. «Все вместе мы отправились гулять по окрестностям. Помню, все страшно устали, к тому же было очень жарко. Диана поскользнулась и упала в болото. Когда она вылезла, ее лицо и одежда были покрыты грязью, а влажные волосы откинуты назад. Несмотря на свой несуразный вид, она начала безудержно смеяться. Она была подобна школьнице, способной любой эпизод превратить в игру» А еще Патти вспоминает, что «она (Диана. — *Ред.)* выглядела очень сосредоточенной на своей задаче. Нетрудно было заметить, насколько Диана хотела заполучить принца».

Ей вторит и личный секретарь королевы лорд Чартерно: «Диана великолепно играла принцем. Она старалась держаться в поле его зрения, всегда излучая очарование и радость. Она была очень хитра от природы и отлично понимала, что не каждый мужчина способен устоять, когда девушка проявляет открытое обожание, остроумие и готовность разразиться звонким смехом. Именно так она и поступала, чем очень льстила Чарльзу. Принц был ею просто очарован».

«Сон, который лучше, чем явь, — это сон о замужестве».

В эти дни Диана была по-настоящему счастлива.

Ей помогало все. Даже погода, которая всю неделю стояла

необычайно теплая и ясная. Поэтому члены королевской семьи как простые смертные, предпочитали проводить время на воздухе, анев чопорных залах замка.

Диане нравилось все: гулять по болотам, морозить ноги в ледяной воде, насаживать мух на крючок… Еще бы — ведь этому ее учил сам Чарльз, искренне потешаясь над милой неуклюжестью молодой девушки. В эти дни Диана смеялась как никогда много. Стараясь заразить весельем всех окружающих. И хотя принц и ворчал, что она своим хохотом разгонит рыбу по всей округе, явно любовался спутницей. Показывая ей, как надо забрасывать удочку он невзначай обнимал ее за плечи. И. И все! Больше ничего Диана ему не позволяла.

Там, и, возможно, только там, леди Ди не делила своего принца ни с кем. Вечером он мог танцевать с другими девушками, даже не вспомнив про малышку. Но на берегу реки ему не на кого было отвлекаться. Да и вообще, промокший, усталый, он был тут не недосягаемым наследником престола, а просто Чарльзом. Просто человеком. Просто мужчиной.

«Это было здорово! Принц учил меня ловить форель! С супругом королевы мы жарили бифштексы! Ее величество принимала из моих рук чашку с горячим чаем…»

Диана ждала от Чарльза предложения. С нетерпением ждала, что принц объявит леди Спенсер свой невестой и вся королевская семья. Журналисты преследовали девушку и постоянно задавали ей бестактный вопрос: «Когда?»

Когда? Ах, как сама Диана хотела бы знать на него ответ! Порой она переставала верить в реальность исполнения мечты. Особенно плохо ей было, когда принц Уэльский вместо того, чтобы провести Рождество с избранницей уехал в Индию. С официальным визитом! И пропал больше чем на месяц.

В какой — то момент Диана поняла, что ей просто не с кем встречать праздник. Во дворец ее, естественно, не пригласили. Кто она такая? В Элтори, где жил болеющий отец и чужая всем Рейн, ее встретили холод и непонимание. В какой — то момент Диане казалось, что жизнь ее превратилась в ад. Что лучше умереть, чем терпеть этот позор. Тогда она еще не знала, что все это еще цветочки. Настоящий ад ждал ее впереди.

«Чарльз просто ломал мне жизнь, ввергая в настоящий ад неизвестности и крушения надежд. Конечно, можно сказать, что меня никто не заставлял надеяться. Но ведь тогда честнее было дать понять, что роман закончен.»

И все — таки этот день настал. Свершилось! В начале

февраля принц позвонил Диане и предложил встретиться.

Если в сентябре он говорил своим друзьям о леди Спенсер весьма осторожно:

«Я все еще не могу сказать, что влюблен в мисс Спенсер. Она такая милая и симпатичная, к тому же у нее такое доброе сердце. Думаю, еще немного, и я смогу ее полюбить».

То через пять месяцев он определился. И сделал ей предложение. Правда походило оно скорее на приглашение на работу. На сделку. Видимо, поэтому вконец измученная ожиданиями Диана даже не сразу поняла, что Чарльз зовет ее замуж.

Он много и серьезно говорил о том, что у них должно быть полное взаимопонимание. Что выбирая жену, он выбирает в первую очередь королеву для своих будущих подданных.

Работа. Долг. Служение.

Диана слушала любимого мужчину как во сне. О чем он говорит? Ведь сейчас надо говорить о их любви! О счастье! О будущей радости!

Но странно было бы ждать от наивной романтичной влюбленной юной особы, что ее насторожат странные слова принца. Насторожат и отрезвят.

Если же принять позицию биографов, которые считают, что несмотря на молодость и неопытность Диана обладала врожденным природным талантом манипулятора и, возможно, сама не отдавая себе в этом отчет, ловко управляла ходом событий — тем более понятно, что ответ на предложение принца мог быть только один: «Да. Да. Да!»

«Почему-то мелькнула мысль, что никакой королевой я никогда не стану, но я отогнала ее как нелепую. Чарльз наследник престола, значит, будет королем, а я его супруга, значит буду королевой. Но это совершенно не важно. Главное — принц, в которого я по уши влюблена, предлагал мне стать его супругой!»

Интересно, какой представляла себе семейную жизнь с принцем, а потом и с королем, невеста Чарльза?

Как в одной голове могли ужиться мечты о тихом семейном счастье, о мужчине, который посвятит свою жизнь жене и детям с амбициями потенциальной королевы?

Конечно, самим членам королевской семьи легко вести образ жизни первых лиц королевства. Они, собственно, другой жизни и не знают. А каково живому, молодому характеру, веселому бурному темпераменту?

После объявления официальной помолвки Диану пригласили

жить во дворец. Радужное настроение от приобретенного статуса невесты принца довольно быстро потухло в скуке бессмысленного и пустого существования.

Каждый, кто жил и работал в резиденции, занимался привычными для него делами. Нужными или нет — не важно! Но они помогали хоть как — то коротать время. Диана же оказалась предоставлена сама себе. Ее как будто погрузили в вакуум. Со слугами «на короткой ноге» не поговоришь — они очень учтиво, но все — таки уклонялись от сближения с новым членом королевской семьи. Статус не позволял. К тому же все домочадцы были значительно старше Дианы и интересы с ней ни у кого не совпадали.

К принцу же было всегда нельзя. Занят. Работает. Или отговаривается работой. Как бы то ни было, кроме редких поездок к портному, развлечений у невесты не было, и она начинала тихо сходить с ума. Пока еще в фигуральном смысле слова.

«Я сознавала, какая роль мне будет отведена, но при этом не имела ни малейшего представления о том, какая жизнь меня ожидает!»

Долг. Этот меч весел над головой принца Уэльского, наследника королевского престола с самого рождения.

Но, пожалуй, никогда он не казался принцу таким тяжелым и острым. Ведь он тоже хотел счастья, как все люди. Очень может быть, что в дни перед помолвкой, совершая, по сути, паломничество, а не как сообщалось в прессе «официальный визит» в страну Будды, он страстно завидовал нищим бродягам, которым судьба подарила самое ценное право — право выбора.

Наверное, если б за несколько лет до того он не встретил бы Камиллу и сердце его — как надеялась Диана — было свободно, они смогли бы составить вполне счастливую пару. Дианиной любви хватило бы на двоих. Да и его явная симпатия вполне могла бы перерасти в нечто большее. Но у истории не бывает сослагательного наклонения.

Поэтому — то принц принимал не личное решение, а готовился к поступку государственной важности.

«Мне очень хочется совершить правильный поступок ради моей страны и ради моей семьи. Порой меня охватывает ужас, что мне придется дать обещание, а потом всю жизнь жалеть об этом».

(Принц Чарльз)

Но вернемся в шестое февраля 1981 года. В оранжерею Виндзорского дворца. К принцу и его — уже — невесте.

Казалось, что все сомнения, все страхи и горести позади.

Случилось то, о чем так мечтала Диана. Чарльз сделал ей предложение.

Принц что — то твердил о долге перед страной, о том, что он выбирает не только и не столько жену. Он выбирает королеву. Но Диана его слушала и не слышала. Потом она будет говорить, что во время этого разговора промелькнула мысль, что королевой она никогда не будет. Так это или нет? Честно говоря — вряд ли. Нам очень часто кажется, что мы помним что — то, чего не было на самом деле. Что — то, что после дорисовала наша фантазия… Ведь сама же Диана неоднократно признавалась, что в тот момент была на седьмом небе от счастья.

Сразу после встречи с принцем взволнованная девушка бросилась к подругам. Теперь все, все они, смеявшиеся над ее девичьими мечтами, поймут, кто она такая. Она — будущая принцесса Уэльская. А через какое — то время — королева Британии! О ней перестанут говорить, как о взбалмошной девчонке. При ее появлении все будут вставать и склонять голову. Хотя нет, это вряд ли было ей хоть когда — то важно. Диана не страдала грехом высокомерия. Ей просто очень хотелось, чтоб ее наконец оценили по заслугам. И полюбили. Тоже — наконец.

— Он сделал мне предложение?

— И что ты ответила?

— Конечно, я сказала «Да!»

Но не все, даже из близких людей, разделяли восторг Дианы. Ну то, что Рейн встретила известие сухим и коротким: «Наконец — то!», девушку не удивило. Она списала холодность мачехи на зависть. Но вот реакция матери ее поразила.

Фрэнсис Шэнд Кидд — такое имя получила бывшая миссис Спенспер во втором браке — выслушала новость с весьма мрачным выражением лица. И уж она — то точно не завидовала дочери. Умудренная опытом женщина не могла отделаться от чувства, что Диана повторяет ее не самый удачный жизненный путь. Но еще на более рискованном уровне. Она отдавала себе отчет, что, если семейная жизнь ее девочки не сложится — а вероятность успеха этого брака казалась ей весьма сомнительной, — страдания принцессы Уэльской станут достоянием всей страны. За ее жизнью, как за бульварным романом, будут, смакуя подробности, постоянно следить обыватели. И далеко не всегда доброжелательно настроенные.

Не слишком верила Френсис и в истинность любви Дианы. Нет, в том, что девушка влюблена по уши, сомневаться не приходилось. Но в кого? В конкретного мужчину? В живого

человека? Или в титул?

Она задала волнующий ее вопрос напрямую:

— Кого ты любишь на самом деле — его или того, кем он является?

— А какая разница?

Такой ответ еще больше напугал мать…

«Я интуитивно понимала то, чего не понимали многие своим разумом: Чарльз неотделим от своего статуса, он родился принцем и вырос наследником престола, без этого статуса, без сознания своего положения Чарльз не был бы Чарльзом».

Официально о помолвке объявили через три недели. 24 февраля Диана была приглашена на традиционное английское чаепитие.

Как говорится, в узком кругу семьи — в Поклонном зале Букенгемского дворца собрались королева Елизавета, принц Филлип, принц Чарльз и… да — леди Спенсер.

Она была напряжена как струна. Чарльз тоже заметно нервничал. Он понимал, что после этого шага мосты будут сожжены окончательно. Отступать будет нельзя!

После видимости чаепития пара спустилась по лестнице в сад. Там их уже поджидали сгорающие от нетерпения репортеры..

— Какими словами вы могли бы описать свое состояние? — спросил один из журналистов. И этот, вполне безобидный вопрос явно застал Чарльза врасплох.

Принц признался, что ему очень трудно найти правильные слова. Еще бы! Ведь его раздирали такие противоречивые чувства, но он быстро взял себя в руки и продолжил:

— Чувство восторга и счастья, — продолжил принц. — В глубине души я изумлен, что Диана оказалась достаточно храброй девушкой. Храброй, потому что согласилась выйти за меня замуж.

Но следующий вопрос вызвал еще большее смятение.

— Вы влюблены?

— Конечно, — не задумываясь, выпалила Диана.

Чарльз же сделал весьма двусмысленное дополнение:

— Что бы ни значило это слово — влюблен. Можете истолковать мои слова, как хотите…

«При упоминании о любви мой будущий супруг умудрился перед всем миром заявить: «Что бы ни подразумевалось под этим словом». Мне бы обратить внимание, поскольку оказалось, что мы действительно подразумеваем разное: Чарльз — светскую любезность по отношении ко мне, а я — настоящую

влюбленность».

Приготовления к столь знаменательному событию для всего Королевства были начаты заранее.

Примерно за неделю до судьбоносного чаепития во дворец приехал придворный ювелир. Он привез женские кольца — неизменный главный атрибут любой помолвки.

В его саквояже лежало множество колец. С сапфирами. С бриллиантами. Но выбирала подарок не невеста. И даже не жених. Решение, как практически во всех вопросах, касающихся семьи, принимала королева. Именно Елизавета выбрала перстень из белого золота с огромным сапфиром и восемнадцатью бриллиантами. Конечно, весь набор украшений показали и Чарльзу и в последнюю очередь Диане. Но оба знали о выборе королевы. И, естественно, согласились с ним. Чарльзу скорее всего, было безразлично, что выбрала мать. А Диане, как потом выяснилось, подарок не понравился. Но разве могла девятнадцатилетняя девчонка спорить с самой королевой Англии?!. Конечно, нет. И только через много лет она публично заявила, что выбор свекрови показался ей безвкусным.

«Я бы никогда не выбрала такую безвкусицу. Если бы мне действительно предложили выбирать, я бы остановилась на каком-нибудь более простом и элегантном варианте».

Вечером после объявления помолвки, чтобы спрятать невесту принца от навязчивых журналистов, ее отвезли в резиденцию королевы-матери.

В Кларенс — Хаус. Там ее ждал еще один сюрприз. Причем, очень неприятный. На кровати лежало письмо от миссис Паркер — Боулз. Камиллы. В нем соперница, очень мило и совсем по — дружески, поздравляла выбранную в том числе и ей самой, невесту любовника и, как ни в чем не бывало, предлагала позавтракать вместе на следующий день. Будь Диана постарше и поискушенней, она, возможно, и приняла бы правила игры, предложенные ей в первый же вечер. Но она была. Нет, не глупа. Она была наивна. И по-детски самоуверенна. Это письмо, конечно, резануло сердце леди Ди. Ведь датировано оно было 22 февраля. Противница явно давала понять, что в курсе семейных дел Чарльза. И узнала о помолвке за два дня до ее официального объявления. Но будущая принцесса Диана уговорила себя не слишком расстраиваться, приняв этот инцидент за истерический поступок проигравшей соперницы. Не портить же себе такой важный день глупыми беспомощными пакостями бывшей — ах, если бы это было так?! — любовницы жениха. Все, что было у него до свадьбы, — не в счет. Теперь Чарльз изменится. Ведь

рядом с ним будет его молодая жена. Жена, сохранившая свою девственность только для него. Принесшая ее в дар своему единственному — так искренне тогда верила Диана — мужчине.

Невинность и чистота — вот главное ее оружие в борьбе с потасканной жизнью Камиллой! И это оружие непобедимо!

Так в тот вечер посчитала избранница принца и брезгливо отбросила от себя гадкое письмо…

«Я столько лет просто берегла себя для него, Чарльз обязательно должен оценить мою недоступность для других. Была где — тов глубине мысль, что именно в этом мое преимущество перед Камиллой».

Через три дня в качестве официальной невесты Диана переехала в Букингемский дворец.

Залы. Кабинеты. Бесконечные коридоры… Без путеводителя в этом лабиринте легко потеряться.

Первое время Диана не понимала, как тут вообще можно жить. Когда — тов детстве ей казалось мрачным и огромным их родовое поместье. Но по сравнению с королевской резиденцией это было просто милое семейное гнездышко. Не зря же в своих воспоминаниях герцог Виндзорский писал, что огромный Букингемский дворец «со своими большими залами и бесконечными коридорами казался наполненным запахом плесени, который я до сих пор чувствую всякий раз, когда вхожу в него».

Но в королевской семье не принято сентиментальничать друг с другом. Елизавета считала, что сделала свое дело и как будто забыла про девушку, мыслям о которой совсем недавно уделяла столько времени. Дело сделано. Чарльз женится. И все пойдет своим чередом. Через некоторое время у династии появится наследник, продолжатель рода. Теперь можно заняться более важными государственными делами. Ей в голову не приходило поинтересоваться: как там живется молоденькой девушке, вырванной из привычной среды обитания?

Королева, сказав, что Диана может рассчитывать на нее, и если той что-то понадобится — знает, где ее найти, больше не интересовалась будущей невесткой. Как будто можно так запросто заглянуть не к кому-нибудь, а к английской королеве?! Так, на минутку. Пожаловаться на тоску и одиночество.

«Если ей понадобится моя помощь, она знает, где меня найти».

(Королева Елизавета II)

А жилось Диане не слишком весело.

И логичнее было бы рассчитывать на поддержку жениха, а не будущей венценосной свекрови. Но. Едва объявив о помолвке, Чарльз уехал из Соединенного Королевства.

В Австралию и Новую Зеландию. Того требовал ДОЛЕ. Чувство, которое принц всегда ставил и ставит во главу угла. Ну и еще. Совсем немного — смятение. Трудный шаг сделан. Теперь надо научиться жить новой жизнью. Или — продолжить старую. Наверняка в своей первой официальной поездке после изменения семейного статуса Чарльз размышлял о том, как теперь изменится его существование. И очень скоро Диана поймет, какое решение он принял.

Да и останься Чарльз в Лондоне, он едва ли понял бы страдания невесты. Ведь это был его мир. Он в нем родился, вырос и прожил всю жизнь. Ему-то в этих стенах было привычно и комфортно. Диана бродила по огромному «замку снежной королевы» в совершенном одиночестве. Слуги, неукоснительно соблюдая субординацию, относились к ней отстранение — почтительно. Вступать с ними в разговоры было бессмысленно. «Да, Ваше Королевское Высочество», «Нет, Ваше Королевское Высочество», «Спасибо, Ваше Королевское Высочество». И хотя она еще не была «Королевским Высочеством», будущий титул провел жирную черту между ней и остальным миром.

Возможно, в эти дни Диана впервые столкнулась с реальностью. С настоящей, а не придуманной жизнью. Жизнью, так не похожей на ее мечты и представления. И почувствовала двойственность своего положения. С одной стороны, она добилась того, о чем мечтала. Ей, без сомнения, могла позавидовать любая девушка Британии. Сказка стала явью. Но явь эта оказалась совсем не такой прянично — карамельной, как описывалось в ее любимых любовных романах.

«К тому же мой жених умудрился сокрушенно намекнуть, что я слишком полненькая! Никто не может понять каково это, кроме тех, кто прошел через такое. У меня начались приступы булимии».

Но совсем без общения не может ни один человек. Тем более такой яркий и «заводной», как Диана. И вынужденное затворничество не могло тянуться бесконечно…

Иногда скука прерывалась поездками на примерки свадебного платья. Но и эти выезды «в люди» были не такими частыми.

Еще перед путешествием в Австралию и Новую Зеландию Чарльз познакомил Однажды между ним и Дианой завязался такой диалог:

— Как вы думаете, я изменюсь со временем? — спросила Диана.

— Пройдет лет пять, и вы, конечно, изменитесь, мэм, — ответил Колборн. — Вы превратитесь в самую настоящую стерву и ничего не сможете с этим поделать. Вы быстро привыкните к тому, что люди готовы пойти на все ради вас.

Жизнь показала, что Колборн не был прав. Хотя для самой Дианы это, возможно, был бы выход. Стервы уверены в себе, в своей красоте, своем уме, своем превосходстве над окружающими. И совершенно не зависят от мнения и влияния окружающих.

Диана же была не такой. Именно поэтому брошенная вскользь не слишком тактичная, но довольно безобидная фраза Чарльза о ее полноте привела к плачевным последствиям. Талия Дианы, конечно, уменьшилась к свадьбе на пятнадцать сантиметров. Но какой ценой?! Участившиеся приступы булимии изматывали. Диана съедала все, что попадалось ей на глаза. А булимия сжирала ее, и без того, подвижную психику.

«Я называю булимию тайной болезнью, основная причина которой кроется в низкой самооценке. Ты считаешь себя никому не нужной и ни на что не способной. Ты начинаешь наполнять свой желудок всевозможной пищей — четыре — пять раз в день, иногда и больше, — и тебе становится легче. Ты чувствуешь, как пара невидимых нежных рук заключает тебя в свои объятия. Но это всего лишь на время. Чувство радости сменяет отвращение к собственному обвисшему пузу, и ты пытаешься вернуть все назад».

Сразу после объявления о свадьбе во дворец начали прибывать подарки. Как бы это странно не выглядело — подарки за несколько месяцев до самой церемонии.

Разбирать коробки стало тоже одним из развлечений скучающей невесты. Однажды Диана зашла в кабинет к Майклу скоротать время до обеда. Секретаря принца не было на месте. А на его столе лежал красиво оформленный сверток. «Еще один презент», — подумала Ди и со спокойной совестью развернула упаковку. И оцепенела.

В руках у нее оказался золотой браслет с диском из голубой эмали. Мимолетная надежда на то, что это подарок ей — невесте — от заботливого жениха быстро улетучилась. На диске были выбиты инициалы GF. Girl Friday (Подружка Пятница). Именно так называл Чарльз проклятую любовницу — Камиллу Паркер — Боулз.

Жар ударил в лицо. Подарок этой «ротвейлерше», как

называла про себя Диана соперницу?! И это всего за две недели до свадьбы?!

В одно мгновение рухнул еще один «воздушный замок» — надежда на то, что с ее появлением Чарльз изменит своим прошлым привычкам и привязанностям. Увы, этого не случилось.

Примерно в эти дни, королевский историк Хьюго Викерс напишет в своем дневнике: «… королевская свадьба романтична не более чем пикник среди ос. Принц Чарльз постоянно общается с миссис Камиллой Паркер — Боулз, и даже говорят, сказал сердито своей матери: «Мой брак и моя сексуальная жизнь не имеют ничего общего друг с другом». Так что если в этой свадьбе любовь откуда — той исходит, то только от Дианы».

«Так унизить меня можно было, только пригласив ее третьей в нашу постель. Тогда я не знала, что и это будет».

Диана бросилась к Саре. А к кому еще?

К матери, которая с самого начала не одобряла ее связь? К Джейн, которая, выбрав для себя совсем другую, спокойную жизнь «в тени», не поняла бы сестру? К Рут, которая скорее всего просто съязвила бы в ответ? Рядом с Дианой никогда не было близкого по духу человека. Но и Сара оказалась не лучшим собеседником. Она, возможно, и не считала Диану причиной своего собственного разрыва с принцем, но совсем не забыла, что Чарльз отверг ее. И пыталась всем, а в первую очередь себе, доказать, что сама оставила затею выйти замуж за наследника королевства, поняв, что не сможет смириться с его любвеобилием. Кстати, вполне возможно, что эта версия не далека от истины. Конечно, так и не закончившиеся свадьбой отношения с принцем нанесли удар ее репутации. Но Сара всегда была слишком своенравна, чтобы считаться с такими мелочами, как мнение общества. И уж точно, в отличие от Дианы, трезво оценивала ничтожность шанса, заменить в сердце мужчины Камиллу. Так или иначе, но реакция на слезы прибежавшей к ней Дианы была вполне предсказуемой:

— А чего ты ждала? *Я* же тебя предупреждала.

И на крики о том, что Диана не будет этого терпеть и не выйдет замуж за Чарльза, спокойно ответила:

— Поздно. Вашими портретами увешан весь Лондон и вся Англия. Ты сказочная принцесса и не можешь обмануть всеобщие надежды. Это жестоко по отношению к людям.

И Сара была права. Было уже действительно слишком поздно. Диане не оставалось ничего другого, как продолжить приготовления к свадьбе и постараться забыть обиду.

Последнее ей, по ее же словам, так и не удалось.

«Но я и впрямь не могла обмануть надежды множества людей. Конечно, далеко не все в Британии и мире желали этой свадьбы, вернее, меня в качестве невесты, но большинство все же желало. *Я* продолжила подготовку к свадьбе».

Как поступила бы в подобной ситуации взрослая, умудренная опытом, женщина? Наверняка она попыталась бы вступить в бой.

Тем более что бойцовские качества у Дианы были. Скорее всего, все, что миссис Спенсер делала в последние недели перед свадьбой, сама она считала борьбой за счастье. На самом деле это было борьбой против него. Приступы ярости и ревности, постоянная смена настроения, депрессия, слезы, упреки. Разве могли они вызвать симпатию к невесте в душе человека, с рождения приученного держать свои чувства, и особенно их проявления, под контролем. Обстановка накалялась. Единственный способ погасить раздражение — видеть невесту как можно реже. Но ведь именно эта отстраненность так мучила Диану и усиливала ее психологические проблемы. Круг замкнулся.

Конечно, легко судить девятнадцатилетнюю девочку зато, что она не поняла, что бороться за свое счастье надо теми же методами, которыми она воевала за право стать принцессой. Продолжать обволакивать избранника любовью и преданностью, удивлять наивностью и юношеской непосредственностью. В конце концов смешливостью, которая так нравилась Чарльзу во время их первых встреч! Вся проблема была в том, что такое поведение не отражало ее сущность. Во время «охоты» она не была самой собой. Она блистательно играла выбранную роль. А когда ей показалось, что победила, — расслабилась, не захотела больше ломать комедию. Просто устала! И начала ждать от принца того, на что он не был способен по определению, — нежности, заботы и любви.

«При нашей первой встрече очаровательная Грейс Келли «одобрила» меня:

— Не бойтесь, дорогая, дальше будет еще хуже.

Как часто в последующие годы я вспоминала ее слова!»

День свадьбы приближался. И несмотря ни на что, Диана ждала его с радостным возбуждением.

Все еще надеясь, что «после». Ах, эти вечные девичьи надежды на «после» — все уж точно будет хорошо. Накануне во дворце состоялся предсвадебный бал. Восемьсот человек. В Букингемском дворце собрался весь свет, представители всех королевских родов Европы. Не было на нем только принца.

Нет, конечно, Чарльз присутствовал на всех официальных мероприятиях вечера. Он встречал гостей и с подобающим случаю лицом принимал поздравления. Исчез жених позже, когда гости начали веселиться. Диана, так мечтавшая о том, чтобы Чарльз гордился и восторгался ею, танцевала. И танцевала просто потрясающе! Гости остались в восторге от юной невесты. Она покорила даже тех, кто скептически относился к выбору принца. А всегда симпатизировавшая Диане Мэри Робертсон даже воскликнула:

— Великолепно! Ты самая красивая невеста на свете!

Как нужны были Диане эти слова! Она просто расцвела! И продолжала ждать чего — то подобного от жениха. Но. Вместо этого она случайно услышала невзначай брошенную кем — то фразу:

— У несчастного принца последнее вольное свидание.

И только тут поняла, что Чарльз исчез. Сбежал со своего предсвадебного бала. И куда? К кому? Ответ, увы, был очевиден.

«Чарльз отправился к Камилле? Тем хуже для нее, потому что он должен сказать бывшей любовнице последнее «прощай» в преддверии завтрашнего венчания со мной».

Как бы там ни было, но на следующее утро Диана проснулась в радостном возбуждении. У кого из молодых девушек не бывает предсвадебного мандража?

Диана была по-настоящему счастлива! Утро началось с легкого завтрака. Потом пришли визажисты и модельеры, сшившие при активном участии невесты потрясающее подвенечное платье, расшитое жемчугом и золотыми блестками, заканчивающееся многометровым шлейфом. На голову леди Спенсер одели белоснежную фату, а сверху фамильную драгоценность — бриллиантовую диадему.

Одна из журналисток в тот день написала:

— Хотела она того или нет, но Диана была нашей сказочной принцессой, национальным достоянием, самым ценным бриллиантом в короне.

И так ее воспринимали в тот день миллионы подданных. Да почему, собственно, в тот день? Ее народ считал свою принцессу сказочной феей даже после развода, но что это мы вспомнили о грустном в такой радостный день?! Возможно, один из самых счастливых в ее короткой жизни.

Сначала сотни… Потом, тысячи… К утру — сотни тысяч празднично одетых людей заполнили все улицы и проулки, лежащие на пути свадебного кортежа. Они терпеливо ждали кульминационного момента.

Десятки тысяч подарков и поздравительных открыток, сотни тысяч зрителей. Как ни крути, эта свадьба навсегда останется одним из самых грандиозных событий второй половины XX века!

«Я не представляла себе истинных размеров интереса к нашей свадьбе, хотя и понимала, что интерес велик».

Ровно в десять часов утра из парадных ворот Букингемского дворца выехала вереница карет и направилась по направлению Собора святых Петра и Павла.

В первой находилась королева Елизавета II и ее супруг, герцог Эдинбургский. За ней следовал экипаж с женихом и его младшим братом, принцем Эндрю. В остальных каретах — другие члены королевской семьи.

Примерно через полчаса перед публикой появилась Диана. Как положено, к алтарю невесту провожал отец. Восьмой граф Спенсер незадолго до этого перенес инсульт и чувствовал себя очень слабым. Дочь переживала за его здоровье и постоянно спрашивала: «Как ты?»

Но граф только устало улыбался и пытался шутить:

— Я все выдержу, даже если после этого придется умереть.

Подхватывая грустно — шутливый тон дочь пыталась его поддержать:

— Не смей. Ты еще должен понянчить внуков!

— Да, Ваше Высочество.

Так, опираясь на локоть дочери, Спенсер подвел ее к Чарльзу, ждавшему суженую у алтаря.

И тут Диана откинула вуаль. Роль невесты явно оказалась ей к лицу. Все присутствующие ахнули от того, как хороша в тот день была избранница принца Уэльского. Не остался равнодушным и Чарльз. Он тихо прошептал ей на ухо те слова, которые она так ждала все эти месяцы. И будет потом ждать долгие годы.

— Ты выглядишь прекрасно!

— Вся моя красота только ради тебя! — услышал он совершенно искренний ответ.

«Англия была счастлива, и я тоже. В тот день я забыла все свои сомнения, все страхи, *я* была невестой принца и свадьба была волшебной».

Волновались оба. И последствия этого волнения не заставили себя ждать. И Диана, и Чарльз допустили ошибки, ставшие надолго любимой темой для пересудов…

Немного ироничных, но доброжелательных. Действительно, оговорки были забавными.

В самый торжественный момент, когда Диана давала согласие на заключение брака, она перепутала имена своего жениха. Точнее, не перепутала, а переставила местами, произнеся вместо Чарльз Филипп Артур Джордж — Филипп Чарльз Артур Джордж. Но. Получилось, что она во всеуслышание согласилась на брак с принцем Филиппом. Чарльз даже не сдержался и удивленно воскликнул:

— Диана, я и не знал, что ты выходишь замуж за моего отца!

Его же ошибка была не менее смешная. Давая клятву, он с истинно королевской щедростью пообещал Диане: «Я готов всем ТВОИМ имуществом делиться С ТОБОЙ».

Огромному количеству гостей, присутствовавших в соборе эти оговорки показались очень милыми. Сразу видно, как голубки волнуются перед самым важным в их жизни шагом.

«Мы много раз репетировали церемонию и слова, которые должны произнести, но оба ошиблись: *я* перепутала имена, а Чарльз пообещал всем моим имуществом делиться со мной же. Позже, много раз просматривая эту запись, мы хохотали до колик».

Все сказки заканчиваются свадьбой. И мы с детства привыкли считать это счастливым концом.

Тот самый злополучный голливудский «happy end». И никто не задумывается, почему, собственно, свадьба — это конец, а не начало? Конечно, начало. Но не сказки, а реальной жизни, которая, как правило, не имеет ничего общего с нашими фантазиями.

Первый ушат воды был вылит на голову молодой жены уже во время медового месяца. Чарльз моментально вернулся к своему привычному образу жизни и целыми днями. ловил форель в реке Трест. И с головой ушел в изучение трудов любимого философа — мистика Лоуренса Ван дер Поста. Диана была в отчаянии. Могло ли ее обрадовать такое начало семейной жизни?

Но давайте посмотрим на ситуацию глазами принца. Да, в первые дни брака он бросился на рыбалку. Какой ужас! Но не это ли занятие так объединило в свое время молодых людей? Не казалась ли тогда — в пору своей «охоты» за принцем — перемазавшаяся болотной глиной Диана самой счастливой девушкой на свете? Так чем она недовольна теперь? Постепенно к молодоженам начало приходить понимание того, насколько они разные люди. Пытаясь нащупать общность интересов, Чарльз предложил жене книгу. Но, увы, не любовный роман. И увидел в ее глазах невероятную скуку.

Им не о чем было говорить. Они привыкли жить по —

разному. И хотели разного.

«Это был самый худший момент нашего медового месяца. Все стало вдруг так мрачно, зловеще. У меня были такие надежды на этот брак, но Чарльз умудрился все разбить вдребезги. Последней каплей стало, когда после чтения вечером он принимался обсуждать прочитанное за ленчем»

Но и Диана не виновата в том, что ее представления о жизни оказались нереально романтичными и не имеющими ничего общего с жизнью.

Интересно, а смогла бы она быть счастлива, если бы ей не повезло и она не познакомилась бы с принцем? Смогла бы она влюбиться в обычного человека и прожить тихую счастливую жизнь, окруженная любовью и вниманием мужа и детей? Возможно, не случись той страшной катастрофы в парижском туннеле, мир бы когда — нибудь узнал ответ на этот вопрос. Хотя и не точный. Ведь тогда она уже была принцессой Уэльской. И от этого титула — не официально, а фактически — она уже никогда бы не освободилась. Да и вряд ли хотела освобождаться.

Чарльз родился и прожил всю жизнь принцем, впитав с младенчества уклад этой непохожей ни на что семьи. Диана стала принцессой в момент. И вынуждена была разбираться в придворных тонкостях в нереально ускоренном темпе. А ее упрямый характер, настойчиво требовал, чтобы все вокруг играли в придуманной ею когда — то сказочной пьесе.

Очень точно указала на это в своих воспоминаниях экстрасенс, целительница и просто близкая подруга Дианы Симона Симмонс: «Она прошла путь от обычной школьницы до принцессы с небывалой скоростью, так и не поняв, что основу взаимных отношений составляет компромисс. У нее были слишком романтичные, слишком не реалистичные, я бы даже сказала, детские представления о любви и браке. По своей наивности она хотела видеть Чарльза таким, каким он на самом деле никогда не был».

«Придворный церемониал хорош только в ограниченном количестве, и тем, кто к нему приучен. *Я* приучена не была совсем».

Но самым страшным было то, что призрак «ротвейлерши», не исчез и после свадьбы.

Спустя годы Диана осталась при убеждении, что оставь соперница их семью — они с Чарльзом составили бы одну из самых счастливых королевских пар в мире. Тоже, как мы уже понимаем, иллюзия. Но принцесса весьма неохотно расставалась

со всеми мифами, в которые она, как в мягкую вату, пыталась укутать свою неустроенную жизнь.

Хотя трудно не согласиться, что наличие любовницы — почти официальное присутствие ее в жизни семьи — не улучшает отношения супругов.

Первый звоночек прозвучал, когда Диана, во время свадебного путешествия случайно — или не случайно — толкнула записную книжку мужа. Оттуда выпали фотографии смеющейся Камиллы.

На свой крик, а не вопрос: «Что это?», она получила спокойный ответ: «Фотографии Камиллы. Но теперь все в прошлом». И тут, наблюдая, как Чарльз аккуратно складывает карточки в книжку, она отчетливо поняла, что ничего не в прошлом. И очень скоро убедилась в своей правоте, увидев на муже во время приема президентской четы из Египта, рубашку, украшенную запонками с переплетенными буквами «С». Буквами, с которых начинаются имена Чарльза и Камиллы. Несомненно, это был подарок любовницы!

Разразился нешуточный скандал. Но недолгий. «Не говори глупостей!» — ответил раздраженный принц и «закрыл» тему.

«Так *я* осознала, что женившись, мой муж не намерен расставаться с любовницей.»

Еще одна причина, по которой брак Дианы был обречен, — холодность королевской семьи.

Нет, не к ней лично. Ко всем, кто по рождению не может считаться «королевских кровей». Отношения в доме. да это и не было домом в прямом смысле слова — во дворце — были весьма холодными и церемонными. Бесконечные скучные обеды, длинные занудные рассуждения принца Филиппа о социальных катаклизмах или хвастовство принцессы Анны об охотничьих успехах. Все это Диане было мягко говоря не интересно. Привыкшая быть в центре внимания она вдруг оказалась в вакууме. Нельзя сказать, что к ней плохо относились. Ее просто не замечали.

А эти нелепые церемонии?! Например, переодевание по четыре раза в день. К каждой трапезе — новый наряд. И совершенно неожиданный для новоиспеченной жительницы дворца режим «жесткой экономии». Возможно, подданным и нравится осознавать, что королевская семья не позволяет себе излишества, когда в стране не самые простые времена. Но гостей явно коробило, когда они замечали, что как только они вставали из — за стола и выходили в другой зал, прямо за их спинами появлялись слуги и. гасили все лампы. Так что не дай Бог что — то забыть на стуле. В темноте не найдешь! Экономия топлива привела к тому, что в первую же неласковую английскую осень Диана банально мерзла. И болела. Болела физически и психически. В результате, загнанная в угол «счастливая Золушка», попыталась перерезать себе вены. И Чарльз был вынужден отправить ее в Лондон на консультацию к врачам.

Вот таким было начало семейной жизни этой пары.

«Все гости смотрели сквозь меня, как будто я была сделана из стекла»

Следующая проблема, с которой столкнулась новоиспеченная принцесса — ревность.

Нет, Чарльз не ревновал свою жену. Принц Чарльз начал ревновать к жене. свой народ. Он не мог смириться с тем, что супруга затмила его популярность. Вскоре к нему присоединилась и королева.

Началось все с первой совместной официальной поездки в Уэльс. Принцесса уже ждала ребенка. Беременность протекала тяжело. Ее вечно тошнило, кружилась голова, мучила слабость. Но Диана решила сопровождать мужа. Ведь для него это важно! Долг!

Такой встречи не ожидал никто. Толпа ликовала, тянула к ней руки. Стало очевидно: на фоне леди Ди, Чарльз явно проигрывал. Даже в его любимом Уэльсе. Что же говорить обо всей Англии? Раздосадованный принц недоумевал: за что? Ведь

она не сделала ничего, кроме того, что в ответ на его вопрос в Соборе святых Петра и Павла сказала «Да».

Естественно, он не мог ни понять, ни тем более признать, тот факт, что Диана была для народа родной. Своей. Живым воплощением мечтаний. А еще она была, в противовес неуклюжему и лопоухому мужу, очень красива. А еще, совсем не высокомерна — могла наклониться к ребенку, заговорить с больным стариком. А еще. Список можно продолжать долго, но и названного достаточно, чтобы люди сделали из нее героиню. Икону!

А как же отнеслась к растущей популярности невестки сама королева? Была довольна? Ведь именно этого хотели в Букингемском дворце? Оказалось, что тоже нет. Конечно, неплохо, что «плебс» стал с большей любовью относиться к своим правителям. Но. Каждый должен знать свое место. И новоиспеченная принцесса не должна затмевать принца крови! И уж тем более, саму королеву. А Диана не сумела остаться в тени даже в ее присутствии. Ее Величество почувствовала это на открытии ежегодной сессии парламента. И была весьма недовольна.

«Безусловно, он ревновал меня к вниманию толпы. Это точно, ревновал. Но Чарльз так и не понял, что я не просила людей оказывать мне знаки внимания. Это была их естественная реакция».

Беременность только обострила хронические проблемы: нервозность и булимию.

Что не могло, несмотря на радостное ожидание наследника, улучшить отношения супругов. Ссоры учащались. И нередко, что уж совсем неприемлемо для славящейся сдержанностью и закрытостью королевской семьи, становились предметом публичного обсуждения.

Так, например, в январе 1982 года принц и принцесса Уэльские гостили в замке Элторп, родовом поместье Спенсеров. И там, на глазах отца и мачехи Дианы, и даже слуг, вспыхнул страшный скандал. Результат: разбитое окно, старинное зеркало и сломанная ножка антикварного кресла.

Именно в этот период произошел эпизод, часто используемый в качестве доказательства черствости и даже жестокости Чарльза по отношению к ожидающей ребенка супруге.

Началось все как всегда с пустяка. Чарльз, как обычно, собирался на охоту, Диана, тоже как обычно, требовала, чтобы он остался. Слово за слово, тональность менялась. В конце концов, взбешенный принц накричал на жену и повернулся к выходу. И

тут Диана сделала невероятное: то ли забыв в пылу ссоры про ребенка, то ли сознательно решив таким страшным способом наказать невнимательного мужа, Диана бросилась вниз с лестницы. Прямо под ноги. королевы. Во всех своих воспоминаниях Диана удивляется черствости принца, как ни в чем не бывало отправившегося на охоту. Но. Справедливости ради заметим, что с этой версией не совпадают рассказы слуг, которые утверждают, что принц остался, вызвал врача, провел с женой весь день и даже, убедившись, что ее здоровью и жизни малыша ничего не угрожает, увез ее на барбекю! Развлечься и развеяться. Жаль, невозможно узнать, кто же говорит правду.

«Мимо проходила королева, она была очень напугана происходящим. В результате падения я сильно ушибла живот и была уверена, что потеряю ребенка. Что же до Чарльза, то он спокойно сел на лошадь и умчался на охоту. После возвращения он был демонстративно безразличен ко мне».

И вот наступил самый важный в жизни каждой семьи день. День рождения ребенка. Первенца. Сына. Наследника!

21 июня 1982 года, в больнице Святой Марии в Паддингтоне, там где нынешним летом, по прошествии тридцати одного года появился на свет и внук Дианы и Чарльза, родился Уильям. И все — таки не одними черными красками надо писать картину жизни четы. Ну разве станет хоть одна женщина просить опостылевшего мужа присутствовать на родах? И разве выполнит такую непростую для каждого мужчины просьбу безразличный эгоист? Чарльз выполнил. И был по — настоящему счастлив в этот торжественный момент появления на свет новой жизни!

«Рождение нашего маленького сына — удивительное событие. *Я* даже представить не мог, что оно будет столько для меня значить. Если бы вы знали — я так благодарен, что смог стать непосредственным участником этого необычного действа, связанного с появлением ребенка на свет. *Я* был по — настоящему вознагражден за это видом маленького создания, которое теперь принадлежит нам, ну и всем остальным тоже. *Я* никогда еще не видел подобного проявления радости и восторга, когда покидал больницу той ночью».

Эти нетипично эмоциональные для Чарльза заметки, очень точно передают восторг и смятение, которые он испытывал все шестнадцать часов, проведенные в больнице рядом с женой.

Счастлива была и молодая мать. И бабушка. Это был редчайший момент единения семьи!

Для Дианы же с этого момента жизнь наполнилась настоящим смыслом. Им стали дети.

«Уильям и Гарри — единственное счастье, которое мне подарила судьба. И я знаю, что это заслуженное счастье, а потому оно всегда со мной. Чтобы они стали самыми лучшими сыновьями *я* должна стать самой лучшей матерью».

С самого начала Диана решила, что будет воспитывать детей не по — королевски.

Лишенная материнской ласки она понимала — нет ничего важнее любви.

Ни правила церемониала, ни пресловутый долг перед Англией не могли заставить ее расстаться с новорожденным Уильямом. Малышу было всего девять месяцев, когда супругам пришлось отправиться в официальную поездку по Австралии и Новой Зеландии. Диана не противилась. Но твердо настояла на том, что сын поедет с ними.

С политической точки зрения поездка была непростой. В Австралии росли антимонархические настроения. И было необходимо убедить австралийцев, что им нужна английская корона. «Не волнуйся, — тоном умудренного опытом политика успокаивал принц жену — Это не Уэльс, где меня всегда ждут. Тут не будет ни толп, ни криков.» Но он ошибся.

— Диаааааннна! Ди — А - нА! — скандировали встречающие.

Опять «Диана», а не «Чарльз». Конечно, принц понимал, что именно восторг, который вызывала леди Ди и их малыш, смягчил отношение колонии к представителям империи. Но опять душу заполнила проклятая ревность. Как, как она это делает?! И хотя миссия была выполнена, причем выполнена блестяще, Диана, по праву считавшая, что это именно ее победа, не получила ни одного слова одобрения. Ни от мужа, которому так хотела помочь. Ни от королевы. Дома ее, как всегда, встретил величественный холод.

«Я ничего не придумывала, наоборот, я забывала все наставления, как только выходила из машины, временами даже забывала о муже. Там было столько желающих поговорить, просто коснуться руки, поймать взгляд.»

Любовь. То чувство, которое так ждала Диана с детства. Ждала от матери, от мачехи — хотя и не хотела себе в этом признаваться… Ждала от мужа. Ждала и не получала… И вдруг на нее обрушилось море любви, восторга.

В стране началась «дианомания». Именно так охарактеризовал ситуацию один из полицейских, обеспечивающих безопасность королевской семьи во время их выходов «в народ»: «Мы никогда не видели подобного в ходе

проведения королевских туров! Это больше похоже на битломанию!»

Ох, как ошибался ее супруг, когда писал в письме одному из друзей, что восторженное отношение людей вводит принцессу в оцепенение. Довольно быстро научившись справляться с волнением, она начала купаться в людском обожании. Постоянная потребность в одобрении могла в эти минуты реализоваться максимально. Гипертрофированно. К тому же, измученная чопорностью и скукой жизни во дворце, молодая активная женщина утоляла свой дефицит общения. В доме даже прислуге было запрещено общаться с ней «запросто». А простым людям запретить говорить со «своей принцессой» не мог никто. Она спрашивала. Они отвечали. Она слушала — с искренним интересом и сопереживанием. И пусть пока еще леди Ди не могла им помочь — всплеск ее общественной и благотворительной деятельности был еще впереди — уже сам факт, что она всем сердцем сопереживала своим подданным, поднимал ее на недосягаемую высоту.

«Люди говорили мне — спасибо за то, что сделала нашу жизнь счастливее, привнесла в нашу жизнь счастье. Спасибо за то, что ты есть.»

Всего через два с небольшим года после рождения Уильяма, принцесса произвела на свет второго ребенка — 15 сентября 1984 года, в той же больнице Святой Марии, родился Гарри.

Что, как неудивительно, стало новой причиной охлаждения супругов.

Так же, как когда — то Спенсер встретил саму Диану приветствием: «Боже, опять девочка!», Чарльз, почти дословно повторил реакцию тестя: «О боже! Мальчик! Да еще рыжий!» Естественно, сформировавшаяся в трагически надетом на себя образе нежеланного ребенка Диана не могла отнестись к такой реакции спокойно. Она снова ушла в кокон депрессий. Хотя, по ее же уверениям они никогда не заканчивались.

Но вот вопрос: насколько можно доверять подобным воспоминаниям? Во — первых, очевидно, что многочисленные «летописцы» трактовали, искажали слова принцессы ради пресловутой «жареной сенсации». Иногда даже откровенно врали. Во — вторых, всегда ли сама Диана была последовательна в своих высказываниях? Ведь любому человеку свойственно интерпретировать события под свое восприятие, под настроение, которое имеет свойство меняться. Порой ей вспоминались светлые моменты, и она искренне верила, что месяцы второй

беременности были самыми счастливыми в их браке. Но иногда, поддаваясь тоске, она рисовала все черными красками.

А вот, что говорит о реакции принца один из его помощников: *«Я* не думаю, что Чарльз был разочарован, когда узнал, что у него родился еще один сын. Мне кажется, это заблуждение, вызванное будущими событиями в жизни принцессы. У меня сложилось впечатление, что Чарльз был восхищен появлением Гарри».

«Чарльз не заметил, что я поумнела. *Я* не так глупа, как обо мне думали в королевской семье».

Диана с самого начала решила, что будет воспитывать сыновей, как обычных людей. И это было весьма непростой задачей в стенах Букингемского дворца.

Но тут она проявила унаследованную от матери настойчивость и с головой ушла в воспитание мальчишек.

Лучше всего об этом расскажут окружавшие тогда семью люди. Например, стилист принцессы Сэм Макнайт. «Дети превратились в самую главную составляющую ее жизни, занимали все ее время. Больше всего Диана хотела, чтобы у принцев была самая обычная жизнь, насколько это вообще возможно в их положении. Свою миссию она видела в том, чтобы подготовить детей к их будущей роли, но так, чтобы сохранить при этом обычные человеческие качества».

Или подруга Дианы Козима Сомерсет: «Она была удивительным образом настроена на те чувства, эмоции и переживания, которые испытывали Уильям и Гарри. Диана постоянно находилась с ними в тесном контакте. Она была способна не только слушать, но и услышать своих детей, умея ценить их собственные мнения».

Так что, в чем в чем, но в том, что принцесса была потрясающей матерью, видя в этом, а не в исполнении королевского долга, свое жизненное предназначение, сомневаться не приходится!

«Я хочу, чтобы мои дети умели понимать человеческие эмоции, знали о том, что некоторые люди могут быть неуверенны в себе или испытывать чувство незащищенности. Я хочу, чтобы для них не были секретом такие понятия, как стресс, надежда и мечты».

Уйдя с головой в воспитание детей, Диана не смогла решить все свои психологические проблемы. Отношения с мужем только ухудшались.

Однажды она невольно подслушала прощальную фразу его

телефонного разговора: «Что бы ни произошло, я всегда буду любить тебя». Ей не надо было уточнять, к кому относились эти слова. И хотя друзья, в частности столь почитаемый Чарльзом Лоуренс Ван дер Пост, часто говорили, что подобная фраза очень соответствует несколько высокопарно — ветвистому стилю речи принца и могла относиться к кому угодно. Дальнейшая жизнь, и в частности счастливый второй брак с Камиллой, доказывают, что тут Диана скорее всего права. Ведь Чарльз действительно, несмотря на все что происходило в его жизни, продолжал любить Камиллу!

Реакция на услышанное вполне предсказуема: трехдневная булимия, страшные рвоты, депрессия, мысли о самоубийстве… И еще большее отдаление и осуждение близких.

Тот же Лоуренс Ван дер Пост, к помощи которого Чарльз частенько прибегал в трудных ситуациях, скажет потом своей дочери очень жестокие слова по отношению к принцессе: «Диана — самый настоящий параноик! Ее беда в том, что она слишком много времени проводит, подглядывая в замочные скважины». Понятно, что выражение «замочные скважины» тут употреблено фигурально и модный в то время философ, почитатель столь обожаемого Чарльзом Юнга, говорил о способности. даже, точнее потребности Дианы выискивать во всех человеческих проявлениях доказательства своей несчастной доли. Постепенно за Дианой прочно закрепилось звание неврастенички. Так о ней вспоминают даже слуги, с которыми она была то весьма демократична и даже мила, то неожиданно становилась настоящей стервой.

«У меня было такое ощущение, что меня никто не хотел слышать. Внутри скопилось столько боли, что я хотела причинить себе урон извне, лишь бы кто — нибудь пришел ко мне на помощь. В такой необычной манере выражался мой отчаянный крик о помощи. *Я* хотела, чтобы люди узнали, какие мучения, какую агонию мне приходится постоянно испытывать».

И только среди людей, в толпе Диана чувствовала себя по-настоящему счастливой. Ее любят. Ей поклоняются. Ждут.

Молодая леди пытается делать первые самостоятельные шаги в политике. Например, едет одна, без отказавшегося от поездки Чарльза представлять британский королевский дом в Монако, на похороны погибшей в автомобильной катастрофе принцессы Грейс.

Конечно, никто не настаивал на том, чтобы она туда ехала. Это было ее решение. Но чуткий супруг, который, по его же словам, в первую очередь выбирал себе в спутницы будущую королеву, мог бы оценить, как блестяще смотрелась Диана среди

первых дам Европы и Соединенных Штатов. Оценить, поддержать, похвалить… и тем самым, возможно, навсегда покончить с преследовавшими принцессу неврозами и депрессиями. Все дальнейшие события доказывают, что Диана действительно была рождена для публичной общественной деятельности. И несколько слов поддержки вполне могли бы превратить «гадкого утенка» в одну из самых великих королев Англии!

Но. Как всегда, в жизни леди Ди, появляется это проклятое «но»! В Букингемском дворце ее триумфа не заметили. Точно так же, как когда-то не оценили ее вклад в результат австралийского визита. Чарльз даже не посчитал нужным встретить жену в аэропорту, опустив ранг визита до частной поездки на похороны подруги.

Все та же ревность? Да нет, пожалуй. В данном случае банальная черствость.

То, до чего Диане приходилось доходить своим умом и интуицией, передавалось членам королевской семьи с кровью. То, что было для принцессы победой, им казалось простой рутиной. Недостойными их высочайшего внимания мелочами.

«Люди хотят видеть во мне сказочную принцессу, обладающую свойством превращать все в золото. И мало кто понимает, что человек, от которого они ждут чуда, постоянно корит себя за несоответствие этому образу».

Помните слова Чарльза о любви, вырвавшиеся во время объявления помолвки: «Что бы не значило это слово…»

Диана тогда была оскорблена. Возмущена. Но ведь, положа руку на сердце, с ней, с ее понятием любви эти слова тоже вполне соотносимы. То, что Дина любила своего мужа — несомненно. Но его ли одного? Молодая, красивая, но мучимая постоянными комплексами женщина, обделенная вниманием мужа. Стоит ли удивляться, тем более упрекать ее, в том, что иногда сердце ее оживало, и пульс начинал биться учащенно.

Первое имя, которое приходит на ум всем, кто изучал жизнь Дианы: сержант Барри Мэннеки, телохранитель принцессы. Было ли между ними что — то большее, чем увлечение? Скорее всего да. Зашло ли это слишком далеко? Вот тут слова очевидцев весьма противоречивы. Сама же Диана подтвердила только факт влюбленности. И не более того.

Сама. Все сама. Всего в этой жизни Диана добивалась сама. Так пошло с детства, и она привыкла. Но каждой женщине, даже самой сильной, иногда очень хочется почувствовать рядом с собой надежное сильное плечо и стать слабой. Почти ребенком.

Конечно, самое удобное — влюбиться именно в

телохранителя. В человека, который всегда рядом с тобой и готов прийти на помощь. Конечно, это его работа. Но глаза, которыми смотрел Барри на свою подопечную, не оставляли места сомнениям — он влюблен. Не устояла и принцесса.

Но, увы. Королевский дворец, не лучшее место для встреч влюбленных. Достаточно скоро их отношения вышли на свет. Нет, ничего компрометирующего в их веселой беседе не было. Вернее не было бы. Если бы Диана не была членом королевской семьи. А Барри — ее телохранителем. При таком раскладе его карьера была обречена!

«Это все было так тяжело, а люди настолько завистливы и ревнивы. О, эта злобная и ожесточенная атмосфера Кенсингтонского дворца! Когда всё обнаружили, его просто вышвырнули вон!»

Проштрафившемуся обслуживающему персоналу во дворце не принято уделять особое внимание.

Слуг, а по большому счету телохранитель относится к той же категории служащих, просто снимают с должности, убирают из дворца и забывают о них. Логично было ожидать, что история Барри Мэннеки будет развиваться по тому же сценарию, но все закончилось трагедией.

Сразу же после того, как разразился скандал, Барри перевели в батальон охраны дипломатического корпуса. Скажем прямо, Диана по этому поводу не слишком переживала. Но, несомненно, тяжелым ударом для нее стала весть, что ее друг, а таковым она продолжала его считать, погиб в автомобильной катастрофе.

Странные обстоятельства происшествия навели ее на мысль об убийстве. С чего бы это взбесившийся Форд Фиеста выскочил, нарушая все правила, на главную дорогу, по которой мчался полицейский мотоцикл, которым управлял друг Мэннеки? Подозрительно? Да. О том, что это скорее всего была трагическая случайность говорит только один, но весьма весомый факт: за рулем Форда сидела семнадцатилетняя девушка, едва получившая права.

Но еще больше, чем сам факт гибели близкого человека, Диану поразила жестокость, с которой ее муж преподнес эту новость: он сказал ей о трагедии по дороге в аэропорт Норфолка, куда они ехали для того, чтобы лететь в Канны на фестиваль. Похоже, расчет был на то, что эмоциональная Диана не справится с потрясением и предстанет перед публикой в растрепанных чувствах. И, возможно, толпа не будет так восторженно встречать мрачную, смотрящую на всех красными глазами, гостью?! Но не тут — то было. Диана взяла себя в руки.

И ни Чарльз, ни встречавшие их люди не увидели ее слез. Но в душе осталась боль потери и обида на мужа. За жестокость и черствость.

«Мой муж все знал, но у него не было никаких доказательств. Поэтому он просто надо мной издевался. А я ничего не могла с этим поделать».

В любом случае, вряд ли Чарльз испытывал ревность. Ревность мужа к жене.

Ведь к настоящей любовной истории между принцессой и двадцативосьмилетним начальником квартирмейстерского отделения полка лейб — гвардии капитаном Джеймсом Хьюиттом, он остался совершенно равнодушен. Дело в том, что она по понятиям светского этикета происходила «за закрытыми дверями» и не нарушала негласного светского этикета.

Познакомились молодые люди во время свадебных торжеств принца Эндрю, герцога Йоркского и Сары Фергюсон. Принцесса сама заговорила с понравившимся ей красавчиком офицером и призналась в разговоре, что с детства боится лошадей, но мечтает обучиться верховой езде. Это было полнейшей импровизацией, Диана никогда не понимала ни мужа, ни его сестру Анну, носившихся с упоением на скакунах по лесам! Естественно, молодой человек предложил свои услуги в качестве учителя верховой езды. Так все и началось.

Роман длился пять лет. Он был бурным, полным переживаний и страстей, — как же Диана без них.

«Ты мне нужен, ты делаешь меня сильней. Если бы ты только знал, как я страдаю, когда тебя нет рядом. *Я* хочу одного — быть рядом с тобой!»

«Я просыпаюсь ночью и испытываю невероятное чувство — насколько сильно я люблю тебя. Как же я благодарна Господу, что ты появился в моей жизни!»

Диана, любовник которой не блистал интеллектом, чувствовала себя с ним спокойно и уверено.

Возможно, впервые в жизни она могла позволить себе быть самой собой, не боясь что — то сделать или сказать не так. Это было пьянящее чувство! Прекратились депрессии. Приступы булимии. Счастливая принцесса обрела, наконец, душевный покой. Неудивительно, что Чарльз не препятствовал этим отношениям. Наступивший во дворце мир дорогого стоил!

Но все имеет свойство заканчиваться. Особенно бурные романы. Острота чувств со временем притупляется. И эмоции Джеймса — не исключение. Исключением из правил, как обычно,

была Диана. Которая, купаясь в неожиданно свалившемся на нее счастье, опять потеряла чувство меры. Она пыталась заполнить собой каждую клеточку любимого мужчины. Не терять ни одной минуты. Постепенно любовник начал тяготиться таким прессингом. С радостью, как к возможности освобождения, воспринял он новое назначение.

Его направляли в Германию командовать танковой ротой.

Диана была в отчаянии. Она плакала, кричала, пыталась изменить планы любовника, оказывая давление на его командира. Ну, в общем, все как всегда. Но Хьюитт был непреклонен. И вырвался из плена. Сначала, уехав в Германию, а потом еще дальше — в зону Персидского залива.

Принцесса восприняла это как предательство. И начала делать то, о чем потом сильно пожалела. Начала писать ему письма. Страстные. Эмоциональные. Подробно описывающие ее переживания. Полные любви и отчаяния. И не могла даже предположить, что эти крики о помощи станут для нее представлять серьезную опасность.

«...он разбудил во мне меня, разрушил мой собственный кокон комплексов неуверенности и ненужности, он словно поцеловал Спящую красавицу, и она проснулась».

Разве отъезд в военную часть был предательством? Очень скоро Диана узнала, что такое настоящее предательство любимого мужчины.

Их разрыв становился все очевиднее. Любовь по переписке? Сколько это может продолжаться? Даже самые бурные чувства притупляются на расстоянии.

Некогда Джеймс в записке к отцу высказал страх, что разрыв с любовницей, учитывая ее, мягко говоря, подвижную психику, может привести к самому страшному. К ее самоубийству. Но как он ошибался! Разрыв прошел тихо спокойно и. незаметно. Его, собственно, не было. Просто в какой — то момент Диана вычеркнула его из своей жизни. Это, кстати сказать, было весьма для нее характерно. Она расставалась с людьми, в которых она переставала нуждаться, молча. Без разговоров и выяснений отношений. Многие из ее друзей списывают это качество на пресловутую неуверенность принцессы в себе — мол, она боялась объяснений. Но, вполне возможно, она просто не считала нужным тратить время и силы на бессмысленные разборки. Она же все для себя уже решила. Значит, так и будет!

Уязвленное ли самолюбие вычеркнутого из списка близких людей вчерашнего возлюбленного. Простая ли меркантильность. Но, так или иначе, Джеймс пошел на совершенно отвратительный

поступок: он рассказал все подробности своего бурного романа с представительницей британского королевского дома некой писательнице — Анне Пастернак. Несмотря на свою громкую фамилию, «желтушница» была внучатой племянницей великого поэта, она тоже с удовольствием согласилась поживиться на «жаренных» фактах. И через некоторое время в свет вышла книга «Влюбленная принцесса».

«Мужчины лгут меньше, чем женщины, кроме тех случаев, когда они говорят о своих чувствах».

Книга, хоть и стала бестселлером, но, по утверждению самой же Дианы не произвела эффекта разорвавшейся бомбы. Сам факт романа с Джеймсом давно не был ни для кого секретом.

Диану, безусловно, возмутила продажность бывшего возлюбленного и покоробила излишняя откровенность описания того, что было, да и того, чего не было на самом деле, — писака постаралась на славу и добавила красок от себя.

Значительно больше напугало Диану наличие тех самых писем. Ведь если будут опубликованы они — а то, что Хьюитт пойдет на все, лишь бы заработать побольше, — скандал неизбежен. И неизбежен развод, которого тогда Диана надеялась избежать. Но в любом случае, даже если юридически отношения с королевской семьей будут расторгнуты, принцессе нельзя было оставлять в руках противников козырь, который позволит выгнать ее из дворца ни с чем.

Она потребовала вернуть письма. И, чего и следовало ожидать, в ответ была озвучена сумма, за которую любовник готов расстаться с дорогими и сердцу и кошельку доказательствами их связи. Сумма эта была весьма весомой — 250 тысяч фунтов. Диане ничего не оставалось, как согласиться. Но. В последний момент шантажист передумал и решил оставить письма до лучших времен. Он же не знал, что жизнь принцессы так быстро и трагически прервется, и эти времена для него никогда не настанут. Письма остались у него. Но так никем и не опубликованы.

«Мои чувства, моя вера в людей были растоптаны, но, к моему собственному удивлению, уверенность в себе осталась».

Принцессу раздирали страсти. Таков был ее характер. И новое увлечение экстрасенсами, оккультистами и, интерес к потустороннему миру временами приобретали черты зависимости. Заболевания.

Диана не доверяла врачам, которых присылал ей муж.

Оккультные науки стали очередным протестом принцессы. Во дворец стали постоянно приезжать медиумы, астрологи, хироманты, графологи, экстрасенсы, целители, остеопаты, специалисты по акупунктуре и японскому массажу биологически активных точек ши-тцу, ароматерапевты и иглотерапевты. Толпы народу! И квалификация многих из них была весьма сомнительна. Так же как и репутация.

А еще ее увлекли гипноз и спиритизм. Она на полном серьезе утверждала, что входила в контакт с… духами дяди и любимой бабушки. К тому же она, вполне возможно и обладала если не экстрасенсорными способностями, то хотя бы развитой интуицией. Помните, как неспокойно ей было за несколько дней до того, как у отца случился инсульт?

На самом деле это была еще одна попытка наладить отношения в семье, спасти погибающий брак. Еще одна неудачная попытка.

«Я не верю полностью в астрологию. Специалисты в этой области больше имеют дело с предположениями и указанием каких — то направлений, чем конкретно с событиями, которые должны произойти».

И все-таки Диана взрослела и, если можно так выразиться, мужала. Несмотря на насмешки мужа, она очень серьезно продумывала программу официальных поездок.

Почувствовав себя увереннее в общественных делах, она начала пытаться самоутверждаться и в личных. Ярким примером изменений характера принцессы может служить эпизод на торжественном приеме, устроенном в честь двоюродной сестры Камиллы. Там Диана сумела спокойно и продуманно дать самый настоящий бой сопернице. И, возможно, в тот момент Камилла пожалела, что посоветовала возлюбленному выбрать в жены эту «серую мышку». Неожиданно у мышки начали вырастать настоящие клыки.

Поговорив с любовницей мужа холодно, достойно, Диана дала знать той, что в курсе всех амурных дел парочки, что не стоит считать ее дурой — недооценивать противника опасно, а она намерена продолжить борьбу — борьбу за свой брак, за отца своих детей и за свою любовь.

Да, несмотря на свое безусловное «взросление», в Диане еще оставались романтические надежды. Она считала, что любовь, за которую принцесса намеревалась бороться, существует. Не фантом, не иллюзия, а настоящее чувство, которое снова вспыхнет как только она устранит преграду в виде Камиллы.

Диане трудно дался этот вечер. В машине, по дороге домой

она расплакалась.

Но все равно ни на минуту не пожалела, что пошла на столь неоднозначный шаг. Это был поступок новой Дианы. Дианы, которая из несчастной неврастенички превращалась в личность!

«А я-то думала, что неверные мужья задабривают своих жен чем-то стоящим!»

(После того, как узнала, что принц Чарльз приготовил ей на Рождество в подарок набор стразов)

Конечно, эпизод на приеме в честь сестры Камиллы не привел к улучшению отношений. Многим из окружения четы Уэльских было понятно — разрыв неизбежен.

И фактически он уже произошел. Надо отдать должное деловым способностям принцессы — она умело использовала PR — инструменты для подогрева своей популярности. Частенько оставляя неуклюжего в этих вопросах мужа в смешном положении. Одним из примеров может служить ее «незаметный» поступок на матче по поло. Выигравший турнир, принц подошел к своей жене и наклонился к ней в поцелуе. Зная, что на них направлено множество камер, Диана в последний момент чуть повернула голову, и на множестве снимков принц оказался запечатлен в нелепейшей позе со смешно вытянутыми губами, уткнувшийся в ухо гордо отвернувшейся Дианы.

Соревнуясь в «подколах», Чарльз и Диана очень неосторожно использовали прессу. Диана вспоминает, что в одном из интервью на вопрос о сокращении расходов королевской семьи муж посетовал, что принцесса приобрела американскую, а не английскую машину, и еще — что Диана очень любит наряды, не желая ограничивать себя в их количестве. Ответ не заставил себя ждать. В другом СМИ принцесса прокомментировала ситуацию с машиной — да она приобрела ее в США за 20 % от стоимости. Такую скидку предоставили ей производители. И призналась, что с удовольствием ездила бы на английском автомобиле, если б ей предоставили его на таких условиях. А наряды. Принц прекрасно знает, что она вообще не тратит на них деньги. Ей присылают производители. Так как фотография, на которой принцесса Уэльская запечатлена в костюме их марки, — лучшая в мире реклама! Одежду доставляют во дворец мешками!

«Победа была полной, но хороши отношения между супругами, если они воюют вот так, с привлечением средств массмедиа?»

Через некоторое время началась настоящая война компроматов. Кто был ее заказчиком и, главное, — как

заказчики находили исполнителей — остается загадкой и по сей день.

Но в один совсем не прекрасный день в руках «желтушников» оказалась запись телефонного разговора Чарльза с Камиллой. Собственно, ничего нового та же

Диана из нее узнать не могла. Кроме одного: ее муж, оказывается, бывает весьма открыт, раскрепощен и до вульгарности откровенен в обсуждении сексуальных тем. Второе, что очень неприятно поразило принцессу: любовники, обсуждая места, где они хотели бы в ближайшее время предаться любовным утехам, перечисляли фамилии людей, которых она считала и своими друзьями. Называясь таковыми, они не просто знали о связи Чарльза с Камиллой — кто о ней не знал? — а действенно помогали любовникам. Это Диана посчитала настоящим предательством. И порвала со многими, кого раньше считала близкими себе людьми.

Хотя так и не смогла до конца поверить в подлинность этой записи. Любовь не просто слепа. Она очень хочет слепой оставаться!

«Если бы мужчинам приходилось рожать, ни у кого из них не было бы больше одного ребенка».

Но и на светлый образ невинной жертвы в скором времени легла тень.

Случилось это тоже из-за тайной записи телефонного разговора. Видимо, в конце прошлого столетия прослушка была любимым развлечением в светском Лондоне.

Разговор состоялся примерно через две недели после компрометирующей беседы Чарльза с Камиллой. На новой пленке оказались записаны голоса принцессы и одного из ее друзей — Джеймса Гилби. Кроме того, что в диалоге собеседница весьма нелестно отзывается о «чертовой семейке», весьма приземленна сплетничая о ее членах, был в этой записи отрывок, который заставил понервничать всех — и участников беседы и ее венценосных слушателей. Там прозвучали примерно такие слова:

— В мои планы не входит беременеть.

— Это и не произойдет. Хорошо?

— Конечно.

— Не думай об этом. Ты не забеременеешь, это не случится…

Тут не нужно никаких комментариев. Совершенно очевидно, что обманутая страдалица тоже не утруждала себя сохранением супружеской верности!

Обнародование телефонных разговоров превратилось в настоящее событие. Газета The Sun не просто опубликовала

полный текст имеющейся у них расшифровки беседы Дианы и Гилби под заголовком «Моя жизнь — сплошные мучения», но и организовала дополнительную услугу. За 36 пенсов в минуту каждый желающий мог позвонить по специальному номеру и прослушать запись.

«Психологическая нагрузка, выпавшая на мою долю, огромна. *Я* чувствую, что совершенно не подхожу для этой отвратительной деятельности, связанной с интригами и общим омерзением. *Я* не знаю, что произойдет дальше, но я боюсь этого».

(Чарльз)

На самом деле Диана не всегда была одинока в королевской семье.

На какой — то период в ее родственницах оказалась одна из подруг. Членом королевского дома стала Сара Маргарет Фергюсон. Девушки были знакомы шесть лет, а их матери когда — то учились в одной школе и тоже были подругами. Именно через Диану Сара познакомилась с принцем Эндрю, герцогом Йоркским и 23 июля 1986 года вышла за него замуж.

У невестки был жизнерадостный, даже бунтарский дух. Принцесса и герцогиня сразу начали проводить время вместе. И сами назвали свой союз — «Виндзорские хулиганки», гоняясь босиком по коридорам, как маленькие дети, придумывая совершенно мальчишеские проказы…

Но за несколько лет совместного проживания во дворце их отношения изменились. Задорные беззаботные проказы закончились. Началось соперничество. Борьба за любовь народа. Дело в том, что герцогиня тоже стала любимицей толпы. И Диана перенести такого захвата ее территории не могла. Вот что об этом вспоминал пресс — секретарь принцессы Патрик Джефсон: «Диана постоянно терзает себя мыслью, что вместо полезного дополнения к ее собственной красоте Ферджи превратилась в самого обычного конкурента».

«Я была чертовски ревнива в отношении своей невестки! — вспоминает принцесса. — Я никак не могла понять, как Ферджи могла быть счастлива там, где я практически боролась за выживание? Как она могла воспринимать все это настолько спокойно? По сравнению с ней я выглядела каким — то отбросом. Все на меня смотрели и думали: «Какая жалость, что Диана такой интроверт — слитком поглощённая решением своих проблем».

И вот случилось неизбежное. 25 ноября 1992 года принц приехал в апартаменты Кенсингтонского дворца, где жила Диана. Они уже довольно давно жили порознь. И сообщил

Диане, что хочет подать на развод.

Принцесса отнеслась к новости на удивление спокойно. Даже сразу согласилась. Адвокаты обменялись соответствующими документами, и начался бракоразводный процесс. А с ним и утомительное обсуждение вопросов, связанных с воспитанием детей, финансами и, наконец, тем местом, которое займет Диана в Соединенном Королевстве.

Спокойствие принцессы, объяснялось тем, что она сама уже подумывала об «освобождении». И даже говорила об этом со своими друзьями, называя примерную дату — июль 1991 года.

Это был особенный месяц. Именно в июле совпадали две круглые даты — десятилетие их брака с Чарльзм и тридцатилетний юбилей самой принцессы. К тому же на эти дни планировался развод ее подруги — соперницы Сары с герцогом Йоркским. Вот уж чей брак было не спасти. К тому же ни одна из сторон, после того как газета Daily Mai вышла с сенсационными фотографиями Сары и ее любовника Стива Ватта, не стремилась к примирению.

«В браке нас было трое, а я не люблю толпы».

Но, однако, в те дни бомба не разорвалась. Публично Диана о своих намерениях не объявляла.

То ли сама не решилась. То ли ей объяснили в Букингемском дворце, что такой демарш будет иметь весьма неприятные последствия и для королевской семьи и для нее самой. А посмотрев, что сразу же после объявления развода четы герцогов Йоркских Сара была вычеркнута из списков приближенных к семье лиц и осталась после четырнадцатилетнего брака с одними долгами.

Диана, скорее всего, и вовсе расхотела проявлять инициативу. Но уже совершенно точно не возражала, чтобы такое предложение исходило от Чарльза. Когда инициатор развода он, то расстановка сил в бракоразводном процессе принципиально меняется. Диану это вполне устроило. Тем более что к тому времени уже вышла скандальная книга Эндрю Мортона «Ее настоящая история», в которой Диана излишне откровенно поведала всему миру о жизни во дворце.

«Книга Эндрю Мортона вышла. И весь мир узнал то, что узнал… Поступила бы я так еще раз? Наверное, да, несмотря на все перенесенные страхи и неприятности. Просто рассказала бы умнее, обращая внимание на другие факты. Но сделанного не вернуть. Теперь Чарльз уже ненавидел меня».

Переломным моментом в жизни принцессы смело можно

назвать день, когда она познакомилась с журналистом Эндрю Мортоном.

Их встреча произошла на благотворительном приеме в больнице, где работал давнишний друг Дианы, радиолог доктор Джеймс Колтхерст. Мортон крутился около доктора, в надежде попасться на глаза самой знаменитой представительнице королевской семьи. И его надежды оправдались.

Джеймс и сам многое знал о жизни своей подруги. Но очень твердо дал понять «акуле пера», что не собирается распространяться о ней. Диану же изначально насторожил тот факт, что писака крутится около ее доверенного лица и может выведать что-то лишнее. Она начала наводить справки про Мортона и узнала, что тот давно хочет написать книгу о принцессе Уэльской. Кропотливо собирает для нее материалы. Не поленившись просмотреть статьи журналиста о себе, Диана отметила, что он всегда говорил о ней в доброжелательном тоне. Вот тут — тоейи пришел в голову сумасшедший план. Уж если Мортон хочет написать о ней книгу, пусть он лучше делает это под ее контролем. А еще лучше участии.

«Моя жизнь настолько запутанна и сложна, что единственным способом выжить в этих условиях было открыться людям, сообщив им, через что мне пришлось пройти».

Работа продолжалась в течение шести месяцев. Встречаться со скандальным репортером опасно, это принцесса прекрасно понимала. Передавать ему рукописи — еще опаснее.

Наконец, она приняла решение, которое устроило всех. Сеансы аудиозаписи, во время которых принцесса отвечала на заранее написанные Мортоном вопросы, проводил. да, именно он — их общий знакомый Джеймс Колтхерст. Вот уж чье появление во дворце не могло вызвать ни малейшего удивления! Ему Диана доверяла безоговорочно и не боялась оставить в его руках компрометирующие пленки.

По просьбе Мортона Диана составила список друзей и близких, кого она могла бы посоветовать для интервью. Таким образом, оба они стремились придать выдаваемой информации хоть какое-то подобие объективности. Отца, помня о его страсти к фотографированию, она попросила сделать подборку ее детских и юношеских фотографий, понимая, что такое оформление текста не может не придать ему ощущение подлинности. Позже, когда текст был готов, она внимательно прочитала все материалы и внесла показавшиеся ей нужными исправления. Коих, надо отдать должное профессионализму Мортона, было совсем немного.

«Первая сессия была — как бы поточней выразиться — словно отчаянное признание, пытавшееся вырваться наружу после десяти лет предательств и несчастий, депрессии и насмешек».

(Мортон)

Но вот книга закончена. Пора было показать материал издателю. Реакция оказалась неожиданной.

Никто из редакторов, которым Мортон показал текст, не хотел верить в правдивость рассказанной истории. Уж больно сильно она отличалась от карамельно-сладкой легенды о самой популярной семейной паре Британии.

Американский издатель О'Мара, на котором было решено остановить выбор даже воскликнул прочитав книгу:

— Одного не могу понять, почему она на всех фотографиях улыбается, если на самом деле так несчастна?

Диане даже пришлось вытащить из портфеля мужа несколько писем к Камилле, чтобы предоставить осторожному редактору доказательство подлинности фактов, изложенных в книге. Произвел впечатление и тот факт, что фотографии юной Дианы подбирал сам лорд Спенсер. Также свое участие в проекте подтвердили ее друзья. В общем, в конце концов решение было принято. И через некоторое время осуществлено. Книга, а сначала отрывки из нее, увидела свет. И бомба разорвалась!

«Я не в состоянии ничем помочь вам, если вы взялись за манипулирование прессой».

(Из письма премьер-министра Джона Мейджора Диане)

Понимала ли Диана, что открывает «ящик Пандоры»? Безусловно, да. Осознавала ли она масштаб последствий? Столь же безусловно — нет!

Для того чтобы «разогреть» публику в нескольких номерах газеты The Sunday Times были опубликованы выдержки из книги. Над Букингемским дворцом нависли черные тучи народного гнева и осуждения. Все пресс — секретари членов семьи приложили невероятные усилия, чтобы лояльные к монархии СМИ набросились на книгу Мортона и разнесли ее в пух и прах. Но все это уже было бесполезно. Возник естественный вопрос — принимала ли принцесса Уэльская участие в подготовке издания? Диана все отрицала. Ее позиция была несгибаемой — открестившись и от Мортона, и от всех, кого втянула в авантюру, она старалась сохранить «хорошую мину при плохой игре». То есть разыгрывать оскорбленную невинность. На автора, оставшегося крайним, вылился ушат обвинений в грязном вранье. Так же в публичном заявлении отозвалась о затее и молодая

интриганка.

«… смесь второсортных, не представляющих никакого интереса слухов, собранных Мортоном для получения личной выгоды».

(Из заявления по поводу выхода книги)

Как часто случалось в ее жизни, Диана получила совсем не то, что хотела.

Она ждала триумфа. Народного одобрения. Раскаяния виновных, которых она милостиво готова была простить. А получила скандал, после которого даже мысль о примирении была абсурдна. Надо сказать, что королева до выхода в свет книги Мортона была настроена на то, чтобы сохранить брак сына. Не то, что она очень сочувствовала и симпатизировала невестке. просто Елизавета считала, что развод наследника, тем более после скандального расставания с женой его младшего брата не лучшим образом скажутся на имидже королевской семьи. А заботе о репутации она всю жизнь. Но то что последовало после публикации, по мнению светского общества, было сравнимо с катастрофой. И развод уже ничего не портил. Он, и только он, мог стать логическим завершением скандального союза.

Позже и Диана, рассчитывавшая на. Честно говоря, трудно понять, на что она рассчитывала, но уж точно не на то, чего добилась. Так вот, сама Диана призналась, что это стало «началом ее конца».

«Все мы далеки от совершенства, но я и в самом деле сделала глупость: я позволила написать книгу. Я думала, что это удачная идея, поступок, который сможет освежить атмосферу, но только теперь я понимаю, насколько наивной была эта затея и сколько проблем она принесет. Если бы я только могла, не думая, отмотала бы этот отрывок своей жизни назад. Это самый безрассудный и бессмысленный поступок, который я когда-либо совершала».

Самое удивительное, что горький опыт общения с прессой ничему не научил принцессу. Или… Или он не был для нее таким уж горьким и она, как считают многие исследователи ее биографии, как всегда виртуозно манипулировала СМИ. Если так, Диана была прирожденным PR-щиком.

Следующий удар по репутации королевского дома она нанесла уже с помощью телевидения. Глядя в глазок камеры. И, как казалось зрителям, в их глаза.

Познакомил Диану с тележурналистом Мартином Баширом

ее брат Чарльз, которому незадолго до этого прожженный журналюга сумел втереться в доверие, убедив молодого человека, в том, что проводил журналистское расследование, в результате которого «нарыл» факты на недобросовестных коллег, наживающихся на дезинформации о молодом лорде Спенсере и его венценосной сестре. И несмотря на то, что в скором времени Чарльз начал сомневаться в искренности и порядочности нового приятеля, Диана бесповоротно попалась на его удочку.

Съемка интервью состоялась в воскресенье, 5 ноября 1995 года, в Кенсингтонском дворце и заняла пять с лишним часов. В эфир же интервью вышло 20 ноября — в сорок восьмую годовщину брака королевы Елизаветы II и герцога Эдинбургского. Что, как можно догадаться, не было случайностью. Случайностей в информационной войне принцессы не бывало!

«В интервью я откровенно дала понять, что не вижу Чарльза королем, что королевская семья никогда не воспринимала меня, как следовало. И еще многое…»

Вот как описывает это событие в своей книге «Диана: одинокая принцесса» один из ее отечественных биографов Медведев Дмитрий Львович: «Интервью принцессы превзошло все, что когда-либо говорилось о королевской семье. Перед пятнадцатью миллионами британцев и десятками миллионов телезрителей из других стран Диана как ни в чем не бывало принялась рассуждать о своей булимии, о превратностях собственного брака, об измене Чарльза и его перспективах стать будущим королем. Она подтвердила достоверность записи телефонного разговора «Сквиджигейт», свой роман с Хьюиттом, заявила, что не хочет развода и собирается «бороться до конца». Когда Диана описывала собственный характер, у нее четыре раза встретилось прилагательное «сильный», а когда речь зашла о том, в какой роли принцесса видит саму себя в ближайшем будущем, она ввела новый термин — «королева людских сердец». Откровение принцессы потрясло всех — друзей, королевскую семью, общественность и прессу. И если в случае с Мортоном Диана вынесла ссор из избы тайно, то теперь сделала это максимально публично».

«Уильям был возмущен тем, что она не сказала ему ни слова о сотрудничестве с Баширом, тем, что она плохо отозвалась о его отце, и тем, что она призналась о романе с Джеймсом Хьюиттом. По мнению ее сына, Диана выставила дурой не только себя, но и его, Уильяма».

(Симона Симмонс, подруга Дианы)

Это может показаться странным, но кое-кто надеялся помирить супругов.

По иронии судьбы следующий роман принцессы случился с Оливером Хором. Посредником, который взялся наладить отношения между Дианой и Чарльзом. Близким другом принца Уэльского, торговцем исламскими произведениями искусства. Насколько оказалась успешной его миссия мы уже знаем. Зато в отношениях с принцессой он преуспел. Зачем ей был нужен этот женатый, не собиравшийся оставлять жену, наследницу крупного нефтяного магната, и детей, любовник? Скорее всего она просто «зализывала» очередные раны, нанесенные ей теперь уже не только мужем, но и прошлым возлюбленным.

И как это у нее обычно случалось, Диана заигралась. Начала требовать от отношений, которые никогда не были связаны какими — либо обязательствами, слишком многого. Преследовала Оливера. Звонила ему по двадцать раз на дню. Когда он выключал телефон в машине, звонила домой и дышала в трубку.

Все это длилось до тех пор, пока жене Хора не надоело терпеть глупые выходки любовницы мужа. Она не стала выяснять отношения с самой Дианой. Тем более устраивать скандалы супругу. Она просто позвонила в Скотленд — Ярд и сообщила, что ее мужу угрожают террористы. Полицейские отнеслись к заявлению со всей серьезностью и достаточно быстро обнаружили, что звонки исходят из королевских апартаментов или из таксофонов, установленных в прилегающих к ним районов. Более того, они даже засекли мобильный телефон принцессы Уэльской. Отчет о проделанной работе оказался на столе у начальника королевской охраны. Ну и, конечно, о поведении невестки узнала вся королевская семья. Диане пришлось смириться и закончить очередную неудачную любовную историю.

«Принцесса Уэльская ужасная собственница. Если она в кого-то влюблялась, этот человек должен был ради нее бросить все, даже детей. Собственнический инстинкт пугал мужчин. Все превращалось в драму».

(Эльза Боукер, подруга принцессы)

Все в королевской семье не как у простых смертных.

Не исключение — развод. Сколько времени понадобится каждому из нас, если мы захотим разойтись с супругом или супругой? Месяц, два, ну шесть — это если кто — тов паре возражает. Короли и принцы разводятся годами.

Началась тяжба. В адвокаты принцесса пригласила Энтони

Джулиуса, юриста, который честно признался, что это будет его первый бракоразводный процесс.

— Ничего страшного, — пошутила Диана. — У меня тоже.

Джулиус с самого начала посоветовал выбрать выжидательную тактику. Не торопить процесс. Четко определить свои требования и стоять на своем.

Принцесса Уэльская, кроме определения суммы, которую она требовала у Чарльза на содержание, начала борьбу и за титул. Право продолжать величаться «Ее Королевское Высочество». Этот титул закреплял бы за ней высочайшее общественное положение. Но на подобную уступку никак не желала идти Елизавета. А именно королями подобное звание в Великобритании присваивается и отбирается.

«Мы были виновны оба, оба совершали ошибки. Но я не хочу взваливать всю вину на себя. Только половину».

Супруги, находясь на грани разрыва, нашли в себе силы встретиться и поговорить. Говорили долго. Сорок пять минут. Далеко не всегда, даже в лучшие дни брака, Чарльз уделял своей жене столько времени.

Но тут он был настроен решительно: пора снять все разногласия и сдвинуть процесс с мертвой точки. Сделав друг другу некоторые уступки, принц и принцесса пришли к консенсусу. О чем Диана поторопилась сообщить во всеуслышание — дабы закрепить договоренности. Она уже не доверяла королевской семье. Принцесса рассказала журналистам, что готова согласиться на развод, если будут приняты ее условия. А именно: она сохранит за собой титул принцессы Уэльской (заметьте, не титул «Королевское Высочество»), останется в Кенсингтонском дворце, а ее офис — в Сент — Джеймсском дворце.

Но самое главное для Дианы, как для любящей матери, было условие, что она сможет беспрепятственно участвовать в жизни их с Чарльзом сыновей.

Так что же с высшим титулом? Вот, что говорилось об этом в заявлении, которое она передала газетчикам:. «Принцесса собиралась сохранить титул «Ее Королевское Высочество», но противоположная сторона отказалась пойти на это. На решение столь сложного вопроса ушли последние две недели». Так что думайте, дорогие соотечественники, кто в этой ситуации жертва, а кто несговорчивый монстр! Нет, этих слов там, конечно, не было. Но они прекрасно читались между строк.

«Чарльз превратил мою жизнь в самую настоящую пытку».

Наконец, 13 июля было составлено соглашение о разводе. Все формальности соблюдены. Все требования удовлетворены. Через два дня принц и принцесса Уэльские его подписали.

Но официально расторгнутым брак стал считаться еще через шесть недель. Бывшие супруги обрели долгожданную — теперь уже для обоих — свободу 28 августа 1996 года. С этого дня для принцессы — Диана сохранила этот титул до конца своих дней — начался новый отсчет времени. И жизни. Несомненно, более счастливой и наполненной событиями. Но, увы, такой короткой.

Кроме титула принцессы Уэльской, Диана отсудила при разводе апартаменты в Кенсингтонском дворце, получила 17 миллионов фунтов; еще 400 тысяч ежегодно шло на содержание ее штата и офиса. Уроки невестки, ушедшей из королевской семьи после развода с пустыми руками, явно пошли Диане на пользу. Она не захотела повторить судьбу Ферджи и подошла к вопросу о разводе с такой же основательностью и упорством, с каким, в свое время, она добилась свадьбы с принцем.

«В конце дня люди думают, что мужчина — единственный способ самореализации. На самом деле, для меня работа — способ получше».

28 августа принцесса проснулась в приподнятом настроении. Или — в возбужденном? Внешние проявления этих двух состояний похожи.

Легко позавтракав, как будто и не было в ее жизни булимии, грейпфрутом и медом, она начала собираться. Неожиданно раздался телефонный звонок. Это был сэр Роберт Феллоуз. Личный секретарь королевы. Леди Ди напряглась. Но оказалось, что звонил он не как представитель Букингемского дворца, а как частное лицо. Слова и тон, которыми они были сказаны, показались Диане искренними:

— *Я* хочу пожелать тебе удачи в этот непростой день. Что ни говори, это был прекрасный роман. Хотя и с трагическим финалом.

Но принцесса перебила его, возразив:

— О нет! Это не финал! Просто начинается новая глава. И помни, Роберт, *я* все еще люблю Чарльза. И буду любить его всегда. На церемонию развода — по — другому и не скажешь — принцесса собиралась, тщательно продумав свой образ. Надев элегантный голубой наряд, она украсила палец массивным перстнем, подаренным ей Чарльзом в день помолвки. Она не сомневалась, что пресса заметит и правильно оценит этот жест. Таким образом, она подчеркивала свою любовь к человеку,

который уже через считаные минуты станет ее БЫВШИМ мужем. Все — таки она умела использовать прессу с максимальной для себя выгодой!

И, как бы она ни желала новой жизни, ни надеялась на счастье, которое ждет ее впереди, не грустить в этот день она не могла. Ведь захлопывалась книга, которую они писали с Чарльзом целых пятнадцать лет. День ото дня. Минуту к минуте.

«Для чего признаются в своей вине? Чтобы уверить другого, что эта вина — единственная».

Первый шаг к возрождению Диане помог сделать ее старший сын Уильям. Сам того не подозревая. Как-то раз, заглянув в ее гардеробную, он задал очень простой вопрос:

— Мам, а зачем тебе столько платьев, которые ты не носишь, и носить не будешь?

Диана не нашла, что ответить. Действительно, зачем? За годы жизни в королевской семье у нее скопилось невероятное количество дорогущих нарядов. Большинство из них было одето всего по одному разу — повторятся не позволял протокол. Ни одной, даже самой «повернутой» на одежде женщине не нужно столько нарядов. Это очевидно. Тем более что после развода Диана полностью сменила свой имидж. Но что с ними делать? Сжигать — жалко. Выход опять подсказал Уильям.

— Продай их на аукционе, а вырученные деньги отдай на благотворительность.

Ну какой же умный у нее вырос сын! Без сомнения, из него получится замечательный король!

Так и поступили. Как не странно, все вещи ушли «с колес». Даже то, что самой Диане казалось никуда не годным. Опять помогло ее имя. Каждой женщине хотелось иметь платье, которое когда-то принадлежало принцессе. И совершенно не важно, какой у него фасон.

За аукцион удалось выручить больше трех миллионов долларов, которые Диана сразу же перечислила в Кризисный фонд СПИДа и раковый фонд Королевского Марсденского госпиталя.

«Люди называют меня Мэрелин Монро восьмидесятых годов и думают, что это большое счастье».

Надежды на новую жизнь во многом подогревала ее последняя серьезная любовь.

Примерно за год до юридического, развода состоялось знакомство Дианы с еще одним важным мужчиной ее жизни. Еще одной серьезной привязанностью.

Скорее всего именно эти отношения помогли Диане стойко перенести горечь развода — ведь он дарил ей свободу, необходимую для того, чтобы оказаться рядом с любимым человеком. И пусть новой сказке не суждено было воплотиться в жизнь — эта страница биографии леди Ди останется одной из самых светлых.

Хаснат Хан. Рядом с этим именем без сомнения можно ставить определение «последняя любовь» принцессы. Да, в ее жизни будет еще Доди аль-Файед — человек, рядом с которым она была в последний день своей жизни. Но назвать его любовью было бы большим преувеличением. Их отношения, безусловно, могли бы во что-то перерасти. Но этому, увы, не суждено было случиться.

А за Хасната Диана искренне хотела выйти замуж и «нарожать ему дочек». Да и он любил ее не менее сильно. Хотя и не решился броситься головой в омут совместной жизни.

«Я наконец-то обрела покой! Хан дал мне все, о чем я могла только мечтать!»

Вечером 31 августа 1995 года — ровно за два года до гибели Дианы — ей позвонила подруга и, плача, рассказала, что ее мужу сделали операцию на сердце и что он в тяжелом состоянии лежит в больнице.

Это оказался поистине судьбоносный звонок. Принцесса, сочувствуя приятельнице, пообещала, что на следующий день обязательно навестит больного. И слово сдержала.

Когда они с Уной Шэнли — Тоффоло, так зовут подругу леди Ди, приехали в Королевскую больницу, один из врачей сразу привлек внимание посетительницы. Принцессу поразил его взгляд. Уна представила их друг другу. Удивительно, но Хаснат Хан — так звали молодого врача — оказался единственным, чье лицо никак не изменилось, когда он услышал имя и титул Дианы. Такое впечатление, что он просто не обратил внимание на эти мелочи.

И, вежливо поздоровавшись, продолжил беседу с женой больного.

А вот Диана была поражена. Причем не только внешностью, мягким взглядом и глубоким голосом, но и его именем. Она сразу вспомнила, как приезжала в эту же Королевскую больницу Бромптон навещать отца, только перенесшего инсульт. Тогда к ним с сестрой выходил Джавад Хан, как теперь стало понятно, дядя Хасната, который в те давние времена тоже, был ассистентом профессора Махди Якуба. Диана чувствовала, что произвела впечатление на врача. А сегодня она сама была

сражена его племянником.

«Все, что нужно миру и людям, живущим в нем — это немножко любви, дайте ее им и они ответят вам тем же».

Принцесса стала навещать больного каждый день. И ежедневно встречалась с Хаснатом.

Ей захотелось как можно больше узнать о том, чем живет этот человек. Она погрузилась в изучение справочников по медицине. Таки хочется спросить: о той ли Диане, которая не смогла сдать ни одного экзамена, идет речь? О той. Просто во все времена, и юная леди Спенсер и прекрасная принцесса Уэльская, легко воспринимала и запоминала любой сложности информацию при одном условии — если ей это было интересно. А все, что, так или иначе, касалось Хасната, интересовало ее бесконечно. Настолько, что она даже попросила разрешить ей поприсутствовать на операции. И получила разрешение. Ее привели в операционную, строго настрого велев стоять в стороне, ничего не трогать, не издавать никаких звуков. В общем, не мешать. Но на всякий случай поставили около нее медсестру с нашатырным спиртом в руках, чтобы та сразу могла привести в чувство принцессу, задумай та упасть в обморок. Ведь возиться с ней врачам было бы просто некогда.

О том, что Диана будет присутствовать в клинике в то время, когда там будет проходить операция на открытом сердце семилетнего африканского мальчика, привезенного в Англию одним из благотворительных фондов, естественно прознали журналисты. Возможно, она сама подкинула им сенсационную новость. Так или иначе, все свободное место в больнице было заполнено репортерами и телевизионными камерами. Никто не хотел пропустить момент, когда прекрасная Диана потеряет сознание от страха. Но не на ту напали!

«Это стимулировало меня, добавило моему существованию смысл и цель. К тому же я предпочитаю получать информацию не только из книг, но и непосредственно из жизненного опыта. Когда доходит дело до обсуждения каких-либо вопросов, *я* чувствую себя гораздо увереннее, если видела все собственными глазами».

Практически все телеканалы мира показали репортаж из операционной, и огромные, расширенные от удивления, страха и восторга глаза принцессы.

Она не упала в обморок. Она не издала ни звука. Более того, прочитав все статьи о технологии операции, она понимала, что и зачем делают руки хирургов в каждое мгновение. И если вид развороченной грудной клетки маленького ребенка не мог не

вызвать ужаса в душе женщины, тем более — матери, то вид снова забившегося сердца в руке врача привел ее в полный восторг. Профессионализм, слаженность всей команды поражал. На какое-то мгновение она даже пожалела, что в свое время не пошла учиться на хирургическую сестру — это занятие было явно по ее характеру. Только тут она поняла, насколько прекрасна и благородна профессия, которую выбрал ее кумир. Сколько жизней зависит от таких вот людей, выходящих после многочасовых операций физически измотанными, измазанными в крови, но счастливыми от того, что еще одно сердце забилось в их руках. Не полюбить одного из них — Хасната — Диана просто не могла. Она провалилась в это чувство, как в омут.

«Объятия могут сделать много хорошего — особенно для детей».

Мальчики отнеслись к знакомству своей матери с Хаснатом очень хорошо. Спокойный, занимающийся благородным делом, не интересующийся тем, как он выглядит… В общем — настоящий!

Они внимательно слушали рассказы Дианы о том, что этот человек каждый день спасает жизни других. Даже Уильям, по отцовски не склонный к выражению эмоций, не скрывал своего глубокого уважения к хирургу.

Особенно ребят воодушевил рассказ Дианы об операции. Оба, и Уильям и Гарри, хвастались перед ребятами в школе тем, что их мама такая смелая. Больше брата, естественно, упивался восторгами друзей импульсивный Гарри. Ему очень нравилось, что в классе бурно обсуждалось, какая храбрая принцесса Уэльская. Он ею гордился!

Впечатлительный парень надолго запомнил картинку, которую нарисовала Диана: он живо представлял большую фигуру доктора, выходящего из операционной в ботинках, заляпанных кровью только что спасенного мальчика.

«Я не живу по правилам… Я руководствуюсь сердцем, не головой».

То, что ее новый кумир принадлежит к иной культуре, совершенно не смущало принцессу. Диана всегда интересовалась разными религиями и течениями. Она не могла причислить себя ни к одной конфессии.

Живо интересуясь римским католицизмом, индуизмом, каббалой, даже эзотерикой она давно поняла, что ей тесно в рамках одной религии. Ислам, пожалуй, привлекал ее больше всего. Восточная культура казалась загадочной, непонятной и во

многом заманчивой. А может быть, принцессу к общению с одним из главных мужчин ее жизни подготовила сама жизнь? Еще во времена своего бурного романа с Хором, который, как мы уже говорили, был специалистом по мусульманской культуре, она начала проявлять интерес к исламскому искусству и философии.

В свое время прослушала в Королевском антропологическом институте несколько лекций известного профессора Кембриджского университета Акбара Ахмеда и задала ему множество волновавших ее вопросов. Серьезно обсудить все мучившие ее темы в институтской аудитории было невозможно, и Диана несколько раз приглашала его к себе в Кенсингтонский дворец. Там, неспешно и по — восточному обстоятельно Акбар Ахмед готовил ее к встрече с другим, совершенно непонятным европейцу, миром. Именно благодаря Ахмеду во время первого визита в Пакистан, на родину Хасната, который состоялся еще в середине ее венценосного брака, она с легкостью сумела достучаться до сердец, настороженно встретивших чету Уэльских местных жителей. И смогла выполнить казавшуюся поначалу нереальной задачу: снять у местного населения напряженное отношение к монархии колонизаторов.

«Думаю, вы можете сыграть огромную роль. В отношениях между двумя цивилизациями существует пропасть недопонимания, устранить которую под силу только такому человеку, как вы».

(Акбар Ахмед)

«Как я могу улучшить взаимопонимание между мусульманским миром и Западом? Какую роль я могу при этом сыграть лично».

(Диана)

Диана твердо решила выйти замуж за любимого мужчину. Ей казалось, что надо только дождаться развода и все проблемы кончатся сами по себе.

Она заранее «зондировала почву», выясняя, возможно ли заключить с Хаснатом тайный брак. Правда, ответ ее не обрадовал. Никто не брался за совершение обряда в обход официальных властей. И это неудивительно. Все — таки речь шла о матери наследника британской короны.

Но вот что действительно удивляет, так это факт, что Диана проводила все переговоры, даже не поставив в известность потенциального жениха. Когда все раскрылось, уравновешенный Хаснат вышел из себя.

Диана в очередной раз наступала на любимые грабли. Снова в ней проснулся инстинкт собственницы. И выражалось это не

только в попытке единолично решить вопрос с браком. Диана начала, как и прежних своих любовников, преследовать Хасната постоянными звонками и требованиями уделять ей все свое время. Парадокс, но она не понимала, что пытается бороться с тем, за что полюбила этого целеустремленного мужчину: с его делом. С призванием. И попытка поставить восточного мужчину перед выбором между ней и хирургией была опасна в первую очередь для нее!

«Для того чтобы в любую минуту связаться с Хаснатом, Диана решила подарить ему мобильный телефон, но он не принял подарок. Когда Хаснат был на дежурстве, принцесса могла связаться с ним только через пейджер. Однако подобный вид связи ее никак не устраивал. Диана стала названивать в больницу…»

(Симона Симмонс, подруга Дианы)

Но даже не это стало главным камнем преткновения в их отношениях. Искренне любящие люди — а они оба любили сильно и глубоко — находят, в конце концов, спасительный компромисс.

Но существовало еще одно обстоятельство, которое было им неподвластно. Сумасшедшая популярность Дианы. И ежеминутная публичность всех, кто находился рядом с ней. Публичность, которая претила самой природе Хаснат Хана. Простота, скромность были главными его человеческими качествами. И все чаще посещали мужчину печальные мысли о неминуемом расставании. Хаснат прекрасно понимал, что, решив жениться на Диане, он потеряет себя.

Должен будет стать ее приложением, тенью. Он не сможет сохранить свою внутреннюю свободу, не сможет спокойно заниматься любимой работой.

А Диана, не желая смиряться с неизбежным, продолжала делами доказывать любимому человеку, что ее популярность — не самоцель, что с ее помощью можно совершить немало добрых дел. Ради этого она полетела в Сидней на благотворительный обед по сбору средств для открытия кардиологического центра Виктора Чанга. Действительно, только благодаря ее присутствию удалось собрать беспрецедентно огромную сумму: больше миллиона австралийских долларов!

Хаснат же увидел в этой ситуации совсем другое. Хирург считал Виктора Чанга своим профессиональным гуру. В Сиднее собралось много его друзей и коллег. Хан тоже хотел туда поехать, но, понимая, какую шумиху вокруг визита Дианы поднимут журналисты, отказался от своих планов. Что, мягко

говоря, его не радовало…

«Философский склад ума — это искусство переносить несчастья других».

В борьбе за счастье Диана решила воспользоваться главным своим оружием — обаянием. Весной 1997 года она отправилась в Пакистан. На родину Хасната.

Главной целью поездки, которая, конечно, включала в себя различные благотворительные мероприятия, было желание встретиться с семьей Хана. Принцесса возлагала большие надежды на эту встречу. Веря в свои силы, она хотела склонить семью любимого на свою сторону и заручиться поддержкой в своем желании соединиться с Хаснатом узами законного брака.

Подойдя к созданию подходящего имиджа с типичной для нее основательностью, Диана тщательно продумала костюм. Выбор пал на национальный пакистанский шальвар-камиз. Который, кстати сказать, был ей очень к лицу. Встретили принцессу Диану со всеми подобающими титулу почестями. Но… Именно, как принцессу, а не как будущую невестку. Это Диана почувствовала сразу. В родительском доме Ханов ее ждало, кроме отца и матери Хасната, одиннадцать родственников. Все были очень приветливы и почтительны. Говорили обо всем и не о чем. Беседа несколько оживилась, когда Диана показала фотографии мальчиков. Ни одна женщина мира не может говорить о детях холодным бесстрастным тоном. И все. Больше никаких проблесков тепла и сближения. Ди кожей чувствовала, что она тут чужая, что ее никогда не примут в эту семью. И так и не решилась заговорить о своей мечте выйти замуж за Хасната.

Расстроенная, она перешла к официальной программе визита — благотворительным акциям. Расстроенная, но не сломленная. Ведь Хаснат с ней в Лондоне, а не со своей семьей в Пакистане. Значит, не все еще потеряно. Ой ли?

«Хаснат не собирается жениться на принцессе Уэльской. В настоящий момент мы ищем для него достойную жену. Его будущая супруга должна быть из уважаемой семьи, богата, принадлежать к высшим слоям среднего класса. Лучше всего, если она будет, как и мы, из пуштунов. В любом случае жена Хасната должна быть правоверной мусульманкой из Пакистана».

(Рашида Хана, отец Хасната)

Знакомство с Хаснатом Диана хотела использовать для продолжения своей любимой работы. Она собиралась, сознательно эксплуатируя популярность, привлекать средства в важные медицинские проекты.

Еще в 1992 году в жизни Дианы произошло знаковое событие. Во время поездки по Индии принцесса Уэльская посетила хоспис матери Терезы в Калькутте.

Правда с самой матерью Терезой принцесса тогда не познакомилась. Встретились они позже. В Риме, где восьмидесятидвухлетняя основательница Ордена милосердия проходила реабилитацию после инфаркта.

Мать Тереза сказала тогда Диане, может быть, самые главные слова:

— Вы не сможете заниматься тем, чем занимаюсь я. А я не смогу сделать то, на что способны вы.

В тот момент принцесса поняла, что самое главное в жизни — найти свой, именно свой путь. И уже с него не сворачивать, каким бы трудным он ни был.

Призванием Дианы было милосердие — к больным, нищим, несчастным людям. Одним только своим появлением она могла привлечь внимание общественности к их проблеме. И хоть немного, но облегчить их судьбы.

Она понимала силу своей популярности. Поэтому не могла, не имела права, отречься от людской любви. Даже, когда эта любовь приносила ей горе, отобрав любимого человека.

«Мы часто обсуждали наедине те сложности, которые возникают у публичных людей. Она рассказывала мне о своих планах использовать собственное положение для помощи страждущим. Хотя Диана производила впечатление очень ранимой, неуверенной в своем будущем женщины, для меня не составило труда разглядеть в ней способность к быстрому восстановлению и необходимую решимость при воплощении своих идей в жизнь, несмотря на все препятствия и трудности».

(Хиллари Клинтон)

Вообще-то заниматься благотворительностью принцесса начала с первых месяцев своего замужества. Сначала из чувства долга, помогая мужу. Потом, по велению своего сердца.

Ведь недаром в юности она была прекрасной няней. Доброй, чуткой заботливой… Именно эти качества были основными в характере леди Ди. Именно они сформировали ее личность. Именно за них ее так полюбили люди.

Постепенно под ее патронажем оказались сотни благотворительных организаций. В поле зрения попадали наркоманы и алкоголики, умственно отсталые дети, больные СПИДом, которые в те годы были еще большими изгоями, чем сегодня.

В апреле 1987 года в Миддлсекской больнице открылось первое в Великобритании отделение для больных СПИДом. На открытие были приглашены члены королевской семьи. Все с суеверным ужасом и презрением отклонили приглашение. Все, кроме Дианы. И визит ее никак нельзя было назвать формальным. Она заходила в палаты, как ни в чем не бывало, разговаривала с больными. И своим примером показала, что не надо, да просто преступно, шарахаться от больных СПИДом людей. За годы своих благотворительных паломничеств Диана посетила королевство Непал, совершила с миссией Красного Креста триумфальный визит в Зимбабве.

«Я хочу входить в комнату, в больничную палату для умирающих или больных детей, и всегда чувствовать, что *я* нужна. Я хочу действовать, а не просто быть».

Но главным делом жизни в последние годы стала борьба с противопехотными минами.

Своим примером, рассказами о погибших, подорвавшихся на минах детях, об искалеченных, ставших инвалидами солдатах она доказывала миру — этот вид оружия бесчеловечен. Он аморален. Диана, пользуясь свой популярностью у журналистов, брала их в экспедиции на минные поля. Где, как потом сама же признавалась, почти теряя сознание от страха проходила перед камерами по дороге, которая еще вчера была напичкана смертоносным металлом. Еще вчера? Да. Но некто не мог дать гарантии, что саперы обнаружили и обезвредили все мины. Однажды она шла по полю, зная, что за несколько дней до этого там подорвалась компания мальчишек, мирно игравших в футбол. Многие говорили, что это популизм. Обвиняли Диану в любви к пиару. Что и говорить, она действительно любила, чтоб ее персона была в центре внимания. Но в данном случае ее популярность была не самоцелью, а оружием. Мощным оружием против огромной военной машины. Причем, Британской в том числе. Что не могло не раздражать силовые ведомства туманного Альбиона.

Добиться официального запрета на производство и использование противопехотных мин удалось не сразу и не везде. Но 3 декабря 1997 года все — таки был подписан так называемый Оттавский договор о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и их уничтожении. А 10 декабря международному движению за прекращение использования противопехотных мин была вручена Нобелевская премия мира.

Только жаль, что Диана не дожила до этого счастливого

момента.

«Убивайте всех своей добротой и никогда не показывайте, что они причинили вам боль».

А за месяц до гибели в жизни Дианы произошло еще одно тяжелое событие. Они все-таки расстались с Хаснат Ханом. Окончательно и бесповоротно.

Формальным поводом послужила заметка в Daily Mirror сообщавшая сенсационную новость — после встречи Дианы с семьей Хана любовники тайно поженились. Диана пыталась выяснить, кто преподнес прессе эту «утку», заставила газету напечатать опровержение. Но все тщетно. Статья стала последней каплей, которая переполнила чашу терпения Хасната. Заявив, что так будет всегда, и избавиться от назойливого присутствия папарацци им не удастся, он объявил Диане о своем решении порвать отношения. Он был уверен, что не сможет защитить будущих детей от любопытства репортеров. А обрекать их на жизнь под прицелом фото и кинокамер не хотел. Да и сам не желал себе такой участи. Его в палатах ждали тяжелобольные люди. Многим из них грозила смерть, опоздай он с помощью хотя бы на пять минут. Врач от Бога, он не мог и не хотел позволить себе тратить жизнь на светские рауты и приемы. Избежать которых супругу матери наследника короны, а именно так бы он стал всеми восприниматься, было просто невозможно. Хаснат сделал свой выбор.

Диана опять осталась одна. Но, как не странно, прислушавшись к себе, она поняла, что ни депрессия, ни приступы булимии ей не грозят. Это была уже совсем другая Диана. Сильная. Целеустремленная. Сумевшая расстаться с любимым мужчиной без слез и истерик. Как бы это ни было ей больно.

«У Хасната был только один по-настоящему сильный интерес в этой жизни. Он очень сильно любил Диану, но он также хотел состояться как специалист, и его главной целью было использовать полученные здесь знания после возвращения в Пакистан. Что же касается идеи одновременно быть супругом Дианы Уэльской и практикующим врачом, то ее никто даже не рассматривал всерьез. Мне кажется, принцесса все это также прекрасно понимала».

(Ричард Кэй, журналист, друг Дианы)

Оставаться совсем одной значит опять впасть в уныние. Новая Диана предпочитала действовать, а не страдать, запершись в комнате.

Именно поэтому, а не от потребности в новом романе, она приняла предложение египетского миллиардера Мохаммеда аль — Файеда провести отпуск вместе с сыновьями на его яхте. И хотя формально считалось, что она отозвалась на приглашение старинного приятеля своего отца, скандальная репутация арабского бизнесмена заставила встрепенуться британскую аристократию. Мол, негоже привозить будущего Британского короля в такие сомнительные места. Осудил свою бывшую подругу и Хаснат. Но его это уже не касалось.

Резоны Мохаммед аль — Файеда были очевидны. Старший сын Мохаммеда Эмад или, Доди аль — Файед, был одним из самых известных в светском обществе плейбоев. Дожив до сорока двух лет, он продолжал слыть в компании друзей «милым мальчиком». Отец спал и видел, как поженит свои деньги с аристократическим титулом.

На яхте, как того и хотел хитрый араб, у молодых людей завязался роман. Пока еще совсем легкий. Но все было в руках… нет, не Божьих, в руках опытного интригана. Только вряд ли стал бы Мохаммед плести сети, знай он, чем закончится начатая им партия.

«Мое решение сильно удивило тех людей, которые причинили мне столько горя. Они этого просто не ожидали. *Я* свято верю в то, что врагов нужно сбивать с толку. В данном случае моими врагами были сотрудники мужа, которые отлично знали, что я всегда привлекала к себе больше общественного внимания».

Подлила масла в огонь и принцесса. Трудно поверить, что без ее ведома репортеры смогли бы сделать такие удачные снимки отдыхающей на борту яхты принцессы.

Скорее всего она хотела разбудить ревность в душе бросившего ее любовника.

А разбудила звериный интерес к новой сенсации у папарацци. «Желтая» пресса начала охоту на парочку Диана — Доди. Охоту, которая закончилась в парижском туннеле под мостом Альма страшной автокатастрофой. По основной версии шофер «мерседеса» в котором ехали любовники сел за руль пьяным, и, пытаясь уйти от преследования репортеров, не справился с управлением.

Весь мир был потрясен ужасной новостью. И до сих пор не может отказаться от мысли, что любимую народом «Розу Англии» убили.

У Дианы, несмотря на новую душевную травму, было много жизненных планов. Поборов комплексы, справившись с булимией

и депрессиями, эта сильная женщина собиралась заняться производством документальных фильмов. И первый — о противопехотных минах — она сделать успела. Совместно с компанией Би-би-си. Принцесса собиралась выпускать по одному фильму раз в два года. Следующей ее темой должна была стать проблема безграмотности.

А еще она, никогда не хотевшая стать королевой Англии, мечтала дожить до того дня, когда сможет называться матерью короля. Но все эти планы погибли вместе с ней в парижском тоннеле.

«Ничто не доставляет мне большего счастья, чем пытаться помочь наиболее уязвимым людям в обществе. Это цель и существенная часть моей жизни — своего рода судьба. Те, кто находится в бедственном положении, могут позвонить мне. *Я* прибегу, где бы они ни были».

Шестнадцать лет прошло со дня трагедии. Парижская прокуратура, которая вела расследование, давным-давно закрыла дело из-за отсутствия состава преступления.

Но то и дело появляются новые материалы и версии происшествия. Вот и за пару недель до очередной печальной даты в прессе появилось сообщение, что британскому телеканалу Sky News стало известно о получении Скотленд-Ярдом данных, подтверждающих версию об убийстве принцессы Дианы. Из них следует, что к смерти принцессы и ее любовника Доди аль — Файеда причастны британские военные. По информации телеканала, материалы полицейским передали родные бывшего солдата, который служил в королевских войсках. В Скотленд-Ярде подтвердили получение новых сведений и пообещали проверить их достоверность. Хотя и подчеркнули, что о возобновлении расследования речь не идет.

А Букингемский дворец, как всегда, хранит холодное королевское молчание.

«Жизнь это просто путешествие»

Принцесса Диана: ее характер,привычки

Вэнди Бэрри — экономка, служившая в Хайгроуве, загородном поместье Принца Чарльза и на тот момент его супруги, Принцессы Дианы. После увольнения она написала мемуары о своей службе в королевской семье, книга была запрещена в Британии, поскольку в соответствии с британским законодательством персонал обслуживающий королевскую семью не имеет права публиковать подобные книги. Но свои 15 минут славы и деньги Вэнди Бери получила, интерес общественности к Диане всегда был очень высок, а после ее трагической смерти особенно.

Первое впечатление Вэнди о принцессе Диане

«Передо мной стояла очаровательная молодая женщина лет двадцати или чуть больше, в простом летнем платье. Она смотрела на меня огромными, глубокими голубыми глазами, в которых светилась улыбка. У нее была великолепная кожа и величественная осанка. Все это производило ошеломляющее впечатление. *Я* заметила еще одну деталь, которую не передавали многочисленные фотографии принцессы. Она оказалась гораздо более худощавой и стройной, чем я ожидала. Когда она повернулась и указала мне на стул, я увидела, какой болезненно хрупкой выглядит ее спина — сквозь тонкий шелк платья заметно проступали лопатки. Беседа продолжалась четверть часа, и я была поражена, как мило и естественно она держалась. *Я* была очарована и чувствовала себя уютно. Это было мое первое соприкосновение с обаянием Дианы, этим грозным и мощным оружием, которым она успешно пользовалась».

Вэнди Берри о характере принцессы Дианы

«У Дианы была репутация человека, способного сделать жизнь слуг совершенно невыносимой. Мягкая, добрая и сострадающая Диана — это только одна составляющая гораздо более сложной и противоречивой личности. Сторона, которая никогда не демонстрировалась публике, оказалась не очень приятной и совсем не вписывалась в известный всем образ. Частая смена настроений делала принцессу непростым в общении человеком. Действительно, никогда нельзя было предугадать ее реакцию или предвидеть, как следует держать себя с ней».

О любимце принца Чарльза

«Я взглянула на плюшевого мишку принца — древнюю залатанную мягкую игрушку, которая всегда сопровождала

хозяина, упакованная камердинером в пластиковый пакет из под рубашки. *Я* заметила, что из левой передней лапы

медведя вылезает вата, и отметила про себя, что необходимо отослать его няньке Чарльза, Мейбл Андерсен, единственной женщине, которой позволялось чинить игрушку. Она наложит на поврежденное место замшевую заплатку».

О принце Эндрю, младшем брате принца Чарльза

«Он, вне всякого сомнения, являлся любимым сыном королевы. Ему по наследству передались резкость и прямота, которые могли несколько обескураживать, пока ты не понимал, что это всего лишь способ выходить из щекотливого положения. Его чувство юмора находило выход в грубых, жестоких и неприличных шутках. Под стулья гостей постоянно подкладывались взрывпакеты, а испускание газов было у него главной темой розыгрышей».

О взаимоотношении принца и принцессы

«Безразличие принца могло сокрушить кого угодно. Однажды днем, когда мальчики играли с няней в детской, Диана выбежала вслед за мужем, направлявшимся в гараж взглянуть на свой «астон мартин». Когда они ступили на скользкую деревянную крышку угольной ямы, Диана поскользнулась и упала. Чарльз продолжал идти, даже не оглянувшись на сидевшую на земле и всхлипывающую жену».

Диана и Чарльз, публичный имидж

«Забота Дианы о собственном имидже имела две стороны. Когда о ней писали что либо льстившее ее самолюбию или печатали парочку удачных фотографий, она могла быть на седьмом небе от счастья. Но если появлялась критическая публикация, она впадала в истерику. На каминных решетках часто попадались обрывки нелестных для нее статей. Чарльз придерживался противоположных взглядов, полагая, что для собственного спокойствия лучше не читать критики. Но некоторые материалы передавались ему по факсу из его офиса, если в них содержалось что либо особенно шокирующее. Они прочитывались и с раздражением бросались в огонь. — Проклятая желтая пресса, — ворчал он. — Почему она не может оставить нас в покое?».

Диана, Чарльз и Камилла — интересные факты о монаршем любовном треугольнике

Камилла и Диана были знакомы давно, встречаясь на светских приемах.

Камилле нравилось, что Диана так молода и неопытна. Миссис ПаркерБоулз думала, что юная наивная графиня станет послушной женушкой, за спиной которой можно будет

продолжать отношения с Чарльзом.

Камилла недолго хранила верность первому супругу. Не прошло и пары лет, как ее роман с Чарльзом вспыхнул с новой силой. Он крестил сына Камиллы и Эндрю и с тех пор регулярно бывал в их доме на правах крестного. Вот только вел он себя не как родственник. Нередко приезжал тайком, отсиживаясь на кухне, дожидался, когда гости разъедутся по домам, а законный супруг отправится спать в свою комнату.

Диана узнала о романе Чарльза и Камиллы еще до замужества.

После ее смерти, были найдены письма принцессы к мачехе, написанные во времена помолвки с Чарльзом. В них она упоминала о некой опасной даме, угрожающей ее отношениям с принцем.

Во время телешоу, куда после объявления помолвки пригласили Диану и Чарльза, произошел неприятный инцидент. Ведущий задал вопрос — любят ли они друг друга? Диана ответила: «Конечно, да!» А вот жених, помолчав, ответил: «Смотря в каком смысле вы понимаете слово «любовь»…» Не смог солгать публично. Так, еще не женившись, Чарльз опозорил леди Ди. Тогда Диана была полностью вправе расторгнуть помолвку, но не сделала этого.

Камилла писала Чарльзу любовные письма. Именно их впоследствии нашла леди Ди, что послужило поводом для разрыва ее отношений с Чарльзом. «Мой драгоценный, не мучай себя чувством вины за свою измену Диане. Ты ни в чем не виноват, будь выше ее нападок. Моя любовь будет с тобой вечно.» — писала Камилла, при этом называя Диану в своих письмах «смехотворным созданием».

После смерти бывшей супруги Чарльз решился поговорить с матерью о возможной женитьбе на Камилле. К тому времени она тоже развелась со своим мужем.

«Я не желаю слышать об этой порочной женщине и тем более иметь с ней дело!» — заявила королева. На этот раз Чарльзу хватило упорства настоять на своем. Он начал выводить Камиллу в свет как свою постоянную спутницу и даже осмелился целовать ее на публике.

Семь лет спустя Елизавете пришлось признать свое поражение. Она не могла допустить, чтобы наследник компрометировал королевскую семью, демонстрируя всему миру, что живет с любовницей. И она дала согласие на брак. Через 35 лет, минувших с начала романа Чарльза и Камиллы, они наконецто стали мужем и женой.

Церемонию бракосочетания королева своим вниманием не

почтила, но на послесвадебном банкете сказала: «Ну что ж, я рада, что мой сын наконец-то соединился с женщиной, которую он любит!».

Последний вопрос в этом любовном треугольнике, который пока все еще открыт, станет ли Камилла королевой Великобритании, когда Чарльз унаследует трон. Пока что она отказывается от титула, заявляя, что хочет называться консортпринцессой. И делает это из уважения к памяти принцессы Ди, которая должна была стать королевой.

После смерти бывшей супруги Чарльз решился поговорить с матерью о возможной женитьбе на Камилле. К тому времени она тоже развелась со своим мужем.

«Я не желаю слышать об этой порочной женщине и тем более иметь с ней дело!» — заявила королева. На этот раз Чарльзу хватило упорства настоять на своем. Он начал выводить Камиллу в свет как свою постоянную спутницу и даже осмелился целовать ее на публике.

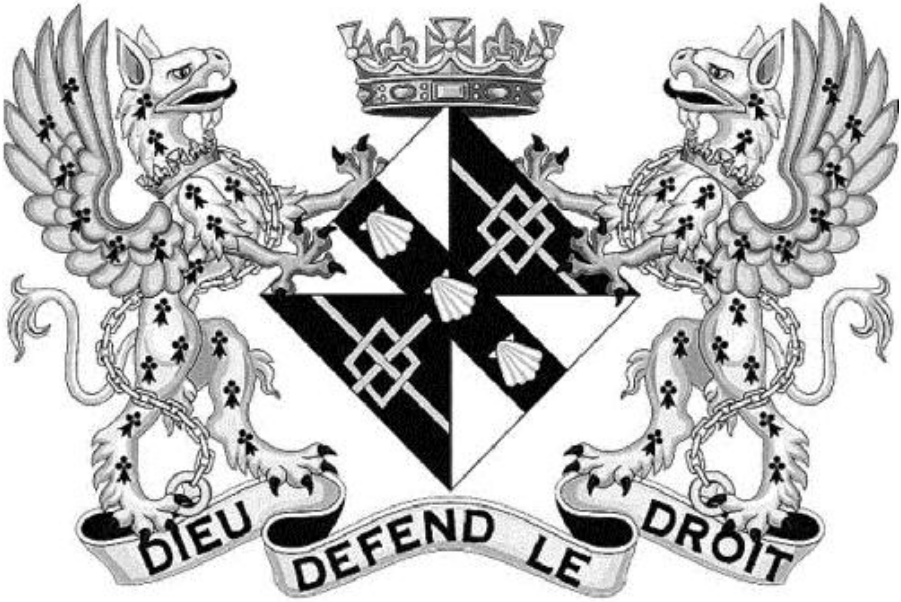
Семь лет спустя Елизавете пришлось признать свое поражение.

Она не могла допустить, чтобы наследник компрометировал королевскую семью, демонстрируя всему миру, что живет с любовницей. И она дала согласие на брак. Через 35 лет, минувших с начала романа Чарльза и Камиллы, они наконецто стали мужем и женой.

Церемонию бракосочетания королева своим вниманием не почтила, но на послесвадебном банкете сказала: «Ну что ж, я рада, что мой сын наконецто соединился с женщиной, которую он любит!».

Последний вопрос в этом любовном треугольнике, который пока все еще открыт, станет ли Камилла королевой Великобритании, когда Чарльз унаследует трон. Пока что она отказывается от титула, заявляя, что хочет называться консортпринцессой. И делает это из уважения к памяти принцессы Ди, которая должна была стать королевой.

Герб леди Дианы в период брака с принцем Уэльским Чарльзом (1981–1996)



Герб леди Дианы после расторжения брака с принцем Чарльзом (1996-1997)